

Павел
Лимонов

ПОПАДАНКА
В БРОШЕННУЮ ЖЕНУ
БАГРОВОГО
ДРАКОНА

18+

Павел Лимонов

Попаданка в брошенную жену Багрового дракона

<https://litres.ru/74426328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аделина Вейр — законная жена Багрового дракона. Женщина, обвиненная в предательстве. Именно ее брачная печать открыла закрытое хранилище Кайрена, после чего враги узнали маршрут дипломатического конвоя. Погибли люди. Сам Кайрен едва выжил.

Он не отдал жену под суд. Но вычеркнул ее из своей жизни.

Теперь ее тело принадлежит мне.

А хуже всего то, что печать Аделины снова используют для кражи секретов. Только в этот раз Кайрен точно знает: я не могла быть рядом с хранилищем.

Значит, либо его жена была невиновна...

либо кто-то годами умеет превращать чужие браки в идеальное оружие.

Чтобы докопаться до правды, мне придется работать вместе с мужчиной, который ненавидит лицо, которое я вижу в зеркале.

Проблема в том, что с каждым днем он все реже смотрит на меня как на Аделину.

И все чаще — как на женщину, которую хочет.

Но я не стану продолжением чужого брака.

Даже если ради этого придется уничтожить последнюю магическую связь между нами.

Содержание

Пролог. Чужая жена	5
Глава 1. Муж, который меня бросил	26
Глава 2. Ключ с моим именем	66
Глава 3. Те, кого обвинили первыми	114
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Павел Лимонов

Попаданка в брошенную жену Багрового дракона

Пролог. Чужая жена

Если в журнале доступа стоит имя человека, это еще не значит, что именно он открыл файл. За десять лет работы я повторяла эту фразу столько раз, что могла бы вышить ее на подушке и подарить каждому руководителю, который хотел получить виновного раньше, чем закончится расследование. В тот вечер мне пришлось сказать ее снова.

— Вера, мы не можем тянуть до понедельника, — произнес Андрей Петрович и сдвинул к центру стола распечатку. — У нас здесь черным по белому: учетная запись Мельниковой, ее пароль, ее рабочий компьютер. Что тебе еще нужно?

Я посмотрела на лист. На бумаге все действительно выглядело красиво. В пятницу в 19:43 из закрытой папки финансового директора скачали два документа. Один содержал условия еще не объявленного поглощения небольшой компании. Второй — предварительный расчет стоимости сделки.

В понедельник утром информация появилась у конкурен-

тов. В понедельник днем компания, с которой мы вели переговоры, подняла цену. Во вторник началось внутреннее расследование. А к четвергу начальство уже решило, кто виноват. Марина Мельникова, тридцать семь лет, заместитель руководителя финансового контроля. Доступ к папке имела. В журнале стояла ее учетная запись. Компьютер был ее.

Почти идеальная история. Я закрыла распечатку ладонью.

— Мне нужен ответ на вопрос, находилась ли Мельникова за этим компьютером в 19:43.

— Она утверждает, что нет. Но отсутствие на камерах еще ничего не доказывает.

— Зато камеры показывают, как она уходит в восемнадцать двадцать две.

Андрей Петрович раздраженно выдохнул.

— Она могла вернуться через служебный вход вместе с кем-нибудь, не пользуясь своей картой. Ты это исключила?

Я повернула ноутбук к нему.

— Вход по карте Мельниковой после восемнадцати двадцати двух не зарегистрирован.

— А проход без карты?

— Проверяем. Пока у нас версия, Андрей Петрович. Подписывать ее как доказанный факт я не буду.

Он посмотрел на меня так, будто именно из-за моей любви к словам компании и теряли деньги. За стеклянной стеной переговорной уже погасла половина офисных ламп. Было почти десять вечера. На столе стояли два стакана давно

холодного кофе, бутылка воды и коробка с пищей, к которой никто не притрагивался последние три часа.

Мы оба устали. Андрей Петрович уже был готов принять самое простое объяснение; мне мешал неподтвержденный вход в здание.

— Давай еще раз, — попросил он. — Простыми словами.

Я открыла фотографию системного блока с рабочего места Мельниковой.

— В понедельник утром наш техник обнаружил в заднем разъеме неизвестный адаптер.

— Флешку.

— Не флешку. Маленький аппаратный перехватчик. Он может считывать ввод с клавиатуры.

Андрей Петрович нахмурился.

— Пароли?

— В том числе.

— Почему мне об этом не доложили вчера?

— Потому что его сначала приняли за переходник от старой клавиатуры. Сегодня я попросила поднять фотографии рабочего места за прошлый месяц. Тогда его не было.

Я открыла следующую фотографию. На снимке стол Мельниковой выглядел так же, как любой стол человека, проводившего в офисе больше времени, чем дома: два монитора, стопка документов, кружка, зарядный кабель, пачка салфеток. За системным блоком ничего лишнего.

— Теперь фотография после технических работ в про-

шлую среду.

Еще один снимок. Адаптер появился. Андрей Петрович наклонился ближе.

— Кто проводил работы?

— Подрядчик.

— Имя?

— Вот это мы сейчас и устанавливаем. По заявке должен был прийти один специалист. На проходной зарегистрирован другой.

— Почему?

— Потому что первый заболел. Так объяснил подрядчик.

— Ты им веришь?

— Это не имеет значения.

Он откинулся на спинку кресла.

— Иногда мне кажется, что ты вообще никому не веришь.

— Я верю документам, когда понимаю, как они появились.

— Звучит невесело.

— Зато полезно.

Угол его рта дернулся. Мы работали вместе достаточно долго, чтобы он знал: если я зацепилась за несоответствие, заставить меня подписать красивую, но недоказанную версию не получится. Он взял распечатку и снова посмотрел на время скачивания.

— Допустим, пароль получили через этот адаптер. Но вход был с компьютера Мельниковой.

— Кто-то мог подключиться удаленно и работать под ее учетной записью. Нужны журналы подключений, одного отчета о скачивании мало.

— И имя в отчете осталось бы ее?

— Да.

Несколько секунд Андрей Петрович молчал. Потом положил бумагу на стол.

— Получается, мы пока не знаем, виновна ли Мельникова.

— Не знаем. Поэтому я и прошу время.

— Ненавижу твои расследования.

— Поэтому за них мне и платят.

Он посмотрел на часы.

— Хорошо. До понедельника.

— До завтра.

— Завтра суббота.

— У подрядчика офис работает до двух.

Андрей Петрович прикрыл глаза.

— Вера.

— Что?

— Тебе тридцать четыре.

— Я в курсе.

— В пятницу вечером нормальные люди идут домой.

— Я тоже собираюсь.

— А завтра?

— Завтра я собираюсь выяснить, кто именно ставил обо-

рудование на рабочий компьютер Мельниковой.

— Именно поэтому у тебя нет личной жизни.

— Нет. Личной жизни у меня нет по множеству гораздо более интересных причин.

Он рассмеялся. Я наконец закрыла ноутбук. Через двадцать минут я вышла из здания, спустилась на парковку и села в машину. Шел дождь. Не сильный, но неприятный: мелкие капли быстро покрывали лобовое стекло, отражая красные огни соседних машин.

Я положила телефон в держатель, включила навигатор и выехала с парковки. Последнее, о чем я думала в своей жизни, было расследование. Точнее, адаптер за системным блоком Мельниковой. Мне казалось, что я почти вижу цепочку. Подрядчик.

Чужая карта доступа. Устройство. Пароль. Удаленное подключение. Потом кто-то получает нужный файл, а система оставляет аккуратную запись с именем человека, которого удобно обвинить.

Я остановилась на светофоре. Телефон коротко завибрировал. Сообщение от Андрея Петровича.

«Мельникову до понедельника не трогаем. Довольна?»

Я усмехнулась и не стала отвечать. Загорелся зеленый. Я тронулась. Слева ударил свет фар. Раздался гудок. Я повернула голову — и больше ничего не помню.

* * *

Первым вернулось ощущение холода. Я лежала на чем-то

твердом, прижавшись щекой к камню. Пальцы не слушались. Во рту был металлический привкус. Я попыталась вдохнуть глубже и тут же закашлялась.

Пахло горелым, с резкой лекарственной примесью. Я открыла глаза. Перед лицом лежали осколки темно-красного стекла. Несколько секунд я просто смотрела на них, пытаюсь понять, почему разбитое автомобильное стекло стало красным. Потом заметила свечи. Много свечей. Они стояли на полу вокруг меня.

За свечами тянулись нарисованные на полу темные линии. Они пересекались, уходили под мое тело и соединялись с металлическими пластинами. Рядом возвышалась кровать с тяжелыми занавесями, напротив стоял старинный шкаф. В огромном окне было темно. Я медленно поднялась на локтях. Боль прошла через грудь так резко, что пришлось снова лечь.

— Черт...

Голос был не мой. Я прислушалась к собственному голосу и попробовала еще раз.

— Что...

Женский. Ниже моего обычного, чуть хриплый. Я подняла руку. На запястье шел ожог. Узкий, багровый, похожий на замкнутую линию.

Но рука тоже была не моей. Пальцы длиннее. Кожа светлее. На среднем пальце кольцо с темным камнем. Я несколько секунд смотрела на собственную, совершенно чужую ла-

донь.

Потом села. Комната качнулась. Пришлось схватиться за край кровати. На мне была длинная светлая рубашка, испачканная кровью у ворота. Волосы падали вперед тяжелой волной.

Я никогда не носила волосы ниже плеч. Эти доходили почти до талии. Сердце застучало быстрее.

— Нет.

Я повторила это еще раз, надеясь окончательно проснуться. В противоположной стене стояло большое зеркало. Я поднялась. Колени задрожали. До зеркала было всего несколько шагов, но я дошла не сразу.

В зеркале отражалась незнакомая женщина лет тридцати: светлая кожа, серые глаза, высокие скулы. Темные волосы прилипли к шее, на нижней губе засохла кровь. Я подняла руку и провела пальцами по щеке. Отражение повторило движение.

— Это невозможно.

Голос снова оказался чужим. За дверью слышались шаги. Я развернулась. Дверь открылась так резко, что ударилась о стену. В комнату вбежала молодая женщина в длинном темно-синем платье.

Она остановилась на пороге. Увидела меня. Перевела взгляд на разбитый круг. Побледнела.

— Госпожа.

Я инстинктивно оглянулась. Кроме меня в комнате нико-

го не было.

— Госпожа Аделина?

Она бросилась ко мне. Я отступила.

— Не подходите.

Женщина остановилась. В ее лице появилось что-то такое, от чего мне стало еще хуже. Не страх. Узнавание, смешанное с ужасом.

— Что вы сделали?

— Я ничего не делала.

— Круг...

Она посмотрела на пол.

— Вы обещали, что больше не будете пытаться.

— Пытаться что?

Теперь уже она смотрела на меня так, будто я спросила, зачем человеку нужны ноги.

— Разорвать печать.

Я опустила взгляд на ожог на запястье.

— Какую печать?

Женщина молчала. Я почувствовала приближение паники и заставила себя сосредоточиться на ней. Имя. Нужно начать с имени. С места.

С даты. С простых вопросов.

— Как вас зовут?

Она медленно выпрямилась.

— Лиора Сен.

— Где мы?

Ее губы разомкнулись, но ответила она только через несколько секунд.

— В доме Рейвен.

— Где это? В какой стране?

Она совсем побледнела. Я сделала вдох.

— Хорошо. Какое сегодня число?

Лиора уставилась на меня.

— Госпожа...

— Ответьте.

— Двадцать шестой день месяца Сайр.

Я закрыла глаза. Это ничего не значило.

— Год?

Она назвала число. Оно тоже ничего мне не сказала. Я подошла к кровати и села. Мне хотелось смеяться. Или кричать.

Вместо этого я спросила:

— Кто такая Аделина?

Лиора отшатнулась от меня. Потом она очень тихо произнесла:

— Вы.

Я посмотрела на зеркало. Женщина в отражении сидела на краю кровати и выглядела так, будто могла потерять сознание в любой момент.

— Нет.

— Госпожа...

— Меня зовут Вера.

Лиора не ответила.

— Вера Соколова.

Молчание.

— Я живу...

Я остановилась. Жила. Если я действительно погибла. Если свет фар был последним, что случилось. Я сжала чужими пальцами край покрывала.

Нет. Так не бывает. Люди не умирают в Москве, чтобы проснуться в чужом теле в комнате со свечами. В зеркале по-прежнему отражалась незнакомая женщина. Лиора осторожно приблизилась.

— Вам нужен лекарь.

— Мне нужен телефон.

— Что?

— Телефон.

Она смотрела непонимающе. Я уже знала ответ. И все равно спросила:

— Машина?

— Экипаж готов, если...

— Электричество?

Теперь на ее лице не осталось ничего, кроме растерянности. Я потерла лоб. Пальцы дрожали.

— Хорошо. Лекаря.

Лиора почти выбежала из комнаты. Я осталась одна. Сначала хотелось проверить все. Окно. Дверь.

Предметы. Себя. Найти хоть одно рациональное объясне-

ние. Потом я увидела кровь на полу. Не много.

Несколько капель внутри круга. У кровати лежал тонкий нож с темным лезвием. На тумбе стояла чаша. В ней тоже была кровь. Аделина попыталась провести какой-то ритуал.

Разорвать какую-то печать. А я проснулась сразу после этого. Я посмотрела на ожог. Он шел вокруг запястья, затем тонкой линией поднимался выше и исчезал под рукавом. Я расстегнула ворот рубашки.

Линия продолжалась по ключице. К центру груди. Там кожа была красной, будто под ней недавно прошел горячий металл. Я не успела рассмотреть дальше. В коридоре раздался шум.

Голоса. Тяжелые шаги. Лиора что-то быстро объясняла. Мужской голос ответил ей. Я не разобрала слов.

Но Лиора сразу замолчала. Дверь открылась. В комнату вошел мужчина. Первое, что я заметила, — он был очень высокий. Не карикатурно огромный, но достаточно, чтобы пространство вокруг него показалось теснее.

На нем была темная дорожная одежда. Плащ он, видимо, снял внизу, потому что на плечах остались капли воды. Черные волосы были влажными. Лицо усталым. Красивым, если вообще подходило это слово для мужчины, от одного взгляда которого хотелось проверить, не заблокирован ли выход.

Он остановился на пороге. Посмотрел на круг. На нож. На кровь. Потом на меня.

И в его глазах что-то изменилось. Они были темными. Че-

рез секунду в глубине радужки проступил багровый оттенок. Я невольно напряглась. Мужчина это заметил.

— На этот раз ты решила закончить дело сама?

Голос у него был спокойный. Это почему-то пугало больше крика. Я посмотрела на Лиору. Она стояла за его спиной, сжав руки.

— Кто это?

Лиора дернулась. Мужчина не обернулся. Несколько секунд он просто смотрел на меня.

— Хватит.

— Простите?

Он шагнул в комнату.

— Я почувствовал разрыв печати в Ларене.

Я опустила взгляд на свое запястье.

— Это вы про это?

Он остановился.

— Аделина.

Имя прозвучало предупреждением.

— Я уже сказала ей, что меня зовут Вера.

Мужчина посмотрел на Лиору. Та очень тихо сказала:

— Она не помнит вас, милорд.

— Разумеется.

Я услышала в этих двух словах столько усталости, что на мгновение растерялась. Он подошел ближе. Я встала. Не потому, что собиралась нападать. Мне просто не хотелось сидеть, пока незнакомец возвышался надо мной.

Он заметил движение. Его взгляд прошел по моему лицу, волосам, окровавленному вороту. Слишком внимательно. Слишком знакомо.

— Что произошло? — спросил он.

— Я надеялась, что вы мне объясните.

— Я?

— Да. Все остальные здесь почему-то уверены, что я должна понимать происходящее.

— И ты не понимаешь.

— Нет.

— Ничего?

— Почти.

— Удобно.

Я медленно выдохнула.

— Послушайте. Я не знаю, какую игру вы здесь видите, но я очнулась на полу. Я не знаю эту комнату. Не знаю этот дом. Не знаю женщину в зеркале. И точно не знаю вас.

Он молчал.

— Поэтому либо вы можете рассказать мне, что происходит, либо продолжайте стоять и подозрительно смотреть. Второй вариант мне поможет меньше.

Лиора прикрыла рот рукой. Мужчина перевел на нее взгляд.

— Оставь нас.

— Милорд...

— Лиора.

Она посмотрела на меня. Мне хотелось попросить ее остаться. Но я промолчала. Дверь закрылась. Мы остались вдвоем.

Мужчина подошел к столу и взял нож. Осмотрел лезвие.

— Кровь твоя.

— Очень содержательно.

Он посмотрел на меня. Я уже поняла, что с иронией сейчас лучше не увлекаться. Но усталость, страх и полное отсутствие понимания делали свое дело.

— Что вы хотите от меня услышать?

— Почему ты пыталась уничтожить брачную печать.

Я не сразу уловила последнее слово.

— Брачную?

Он положил нож.

— Да.

— То есть это связано с браком?

— Ты серьезно?

— К сожалению.

Мужчина отвернулся. На несколько секунд мне показалось, что он сейчас ударит кулаком по столу. Не ударил. Провел ладонью по лицу. Когда повернулся обратно, выражение стало еще холоднее.

— Хорошо. Сыграем.

— Я ничего не играю.

— Тебя зовут Аделина Вейр.

— Нет.

— Тебе тридцать один год.

Я промолчала.

— Ты находишься в доме Рейвен, принадлежащем роду Вейр. Живешь здесь четырнадцать месяцев.

— Почему?

В его лице впервые появилось настоящее удивление.

— Ты спрашиваешь почему?

— Да.

Он медленно подошел ближе. Между нами осталось около двух шагов. Теперь я заметила тонкий шрам у его подбородка. Еще один уходил под ворот рубашки. Его лицо не было лицом человека, который спал последние сутки.

Или последние несколько лет.

— Потому что я отправил тебя сюда.

— Вы?

— Я.

— За что?

На этот раз он все-таки потерял часть спокойствия. Не голос. Глаза. Багровый цвет стал заметнее.

— Прекрати.

— Что именно?

— Это.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Четырнадцать месяцев назад из моего кровного хранилища был украден маршрут дипломатического конвоя.

Слова ничего не объясняли, но тон изменился. Я переста-

ла задавать быстрые вопросы.

— Хорошо.

— Через двое суток на конвой напали.

Он расстегнул две верхние застёжки рубашки и оттянул ткань. На груди шел длинный неровный шрам. Бледный по краям, с неровным утолщением в середине.

— Погибли семь человек.

Я смотрела на шрам.

— Вы были там.

— Да.

Я подняла глаза.

— И вы считаете, что это сделала... Аделина.

— Я не считаю.

Он произнес это очень тихо.

— Я знаю.

— Почему?

— Потому что хранилище открылось ее брачной печатью.

Я посмотрела на свою руку.

— Этой?

— Твоей.

— И больше никто не мог ей воспользоваться?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым. Я автоматически зацепилась за него.

— Почему вы так уверены?

Мужчина будто не ожидал вопроса.

— Потому что так работает кровный доступ.

— Это не ответ.

— Для тебя, видимо, теперь нет ответов.

— Мне сказали, что я должна быть женщиной, которую никогда не видела. Теперь вы говорите, что она украла секрет, из-за которого погибли люди. Простите, если я не готова принимать устройство вашего мира на веру.

Он смотрел на меня долго. Я чувствовала, что злю его. Но что-то еще в его взгляде изменилось. Будто привычная сцена внезапно пошла не по известному ему сценарию.

— След был твоим, — сказал он. — Только твоим.

— След чего?

— Доступа.

— Он подтверждает, кто именно открыл дверь?

— Нет.

— Тогда что именно он подтверждает?

Мужчина замолчал. В этот момент я почти услышала собственный голос из вчерашней переговорной. Журнал показывает учетную запись. Не человека. Странное совпадение было настолько нелепым, что мне стало холодно.

— Что произошло после нападения? — спросила я.

— Я приехал к тебе.

— И?

— Потребовал объяснений.

— Она призналась?

— Нет.

— Отрицала?

Мужчина сжал челюсть.

— Тоже нет.

— Что сказала?

Он ответил не сразу.

— Что однажды я узнаю, зачем она это сделала.

Я нахмурилась.

— И вы отправили ее сюда.

— Да.

— Почему не в тюрьму?

— Потому что я не передал дело государственному суду.

— Почему?

— Потому что тебя казнили бы.

Мне стало трудно дышать. Не от печати. От самой простоты фразы. Казнили бы. Эта женщина жила здесь четырнадцать месяцев после обвинения в преступлении, за которое ее могли убить.

И мужчина передо мной был тем, кто не позволил этого сделать. Но также тем, кто держал ее здесь под охраной.

— Вы ее любили? — спросила я.

Вопрос вырвался раньше, чем я успела решить, имею ли право его задавать. Он застыл.

— Какая теперь разница?

— Для меня большая.

— Почему?

— Потому что я проснулась в ее теле.

Он посмотрел на меня с таким выражением, будто впервые услышал не очередную уловку, а что-то, чего не мог быстро объяснить. Я продолжила:

— У нее был муж. Дом. Жизнь. Преступление, в котором ее обвиняли. Возможно, человек, которого она любила. Мне нужно понимать, куда я попала.

Он отвернулся.

— Ты всегда умела выбирать слова.

— Я не она.

Он закрыл глаза. Совсем ненадолго.

— Конечно.

— Как вас зовут?

Он открыл глаза.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь даже этого.

— Именно это я и говорю с момента, как вы вошли.

Он сделал шаг ко мне. Я не отступила. Хотя очень хотелось.

— Кайрен Вейр.

Я повторила имя про себя. Кайрен.

— И кем вы приходитеесь Аделине?

Он смотрел прямо мне в глаза. Ответ почему-то задержался. Может быть, потому что считал вопрос очередным издевательством. Может быть, потому что произносить это после четырнадцати месяцев молчания оказалось сложнее, чем он ожидал. Наконец Кайрен сказал:

— Я ее муж.

Я посмотрела на незнакомого мужчину перед собой. Потом на чужое кольцо на своей руке. На багровую линию брачной печати. И только тогда окончательно поняла масштаб того, что со мной произошло. Я умерла.

Проснулась в другом мире. В теле женщины, которую обвиняли в государственной измене. А мужчина, стоявший напротив, был моим мужем. Четырнадцать месяцев назад он отправил ее в этот дом. Теперь я должна была отвечать за ее поступки.

Глава 1. Муж, который меня бросил

Я села на край кровати: от слабости дрожали колени. Объяснения Кайрена только добавили вопросов, а сил стоять перед ним уже не оставалось. Кайрен остался стоять напротив. Теперь, когда я знала, кто он, смотреть на него стало еще сложнее. Муж.

Не мой. Муж женщины, в чьем теле я проснулась. Они делили дом и постель, носили одну фамилию. Их брачную печать Аделина несколько часов назад пыталась уничтожить. Я посмотрела на кольцо. Темный камень в серебристой оправе ничем не напоминал обручальное кольцо из моего мира. По краю шла тонкая багровая прожилка. Раньше я решила, что это часть рисунка.

Теперь сомневалась.

— И как давно вы женаты? — спросила я.

Кайрен медленно перевел взгляд на мое лицо.

— Четыре года.

— А четырнадцать месяцев живете отдельно.

— Да.

— И за все это время вы ни разу сюда не приезжали?

— Нет.

Ответ прозвучал без попытки оправдаться. Я почему-то

именно этого и ожидала.

— Деньги?

Он нахмурился.

— Что?

— Вы ее содержали?

— Дом принадлежит Вейрам. У Аделины оставался личный счет. Расходы дома оплачивались полностью.

— Охрана?

— Была.

— Чтобы защищать или чтобы не выпустить?

В его взгляде снова появился холод.

— И то и другое.

Я кивнула. По крайней мере, ответ был честным.

— Письма?

— Что письма?

— Вы ей писали?

— Нет.

— Она вам?

Пауза оказалась чуть длиннее.

— Несколько раз.

— Вы отвечали?

— Нет.

Мне стало жаль Аделину, хотя я почти ничего о ней не знала. Я ее не знала. Возможно, она действительно предала мужа и погубила семь человек. Возможно, письма были очередной попыткой манипулировать им. Но четырнадцать ме-

сяцев в доме, куда тебя отправил человек, с которым ты прожила несколько лет, и ни одного ответа...

Я посмотрела на разбитый магический круг. А потом снова на Кайрена.

— Она просила вас приехать?

Он сразу понял, к чему я веду.

— Не превращай это в красивую трагедию.

— Я ничего не превращаю.

— Ты не знаешь, что произошло.

— Поэтому и спрашиваю.

Он подошел к окну. На стекле отражались свечи и его темный силуэт.

— Первое письмо пришло через шесть дней после того, как я отправил ее сюда. Она просила дать ей время.

— На что?

— Не написала.

— Второе?

— Через три месяца.

— И?

Он молчал.

— Кайрен.

Он повернул голову. Имя прозвучало непривычно. Мне тоже было странно произносить его без титула, которого я пока даже не знала.

— Она просила не начинать процедуру расторжения брака.

Я посмотрела на свою руку.

— Потому что эта печать могла ее убить?

— Тогда я еще не знал, насколько она повреждена.

— А она знала?

— Возможно.

— Что было в остальных письмах?

— Последнее пришло четыре месяца назад. Она сообщила, что нашла способ исправить все сама.

Я медленно перевела взгляд на разбитый круг.

— Похоже, способ оказался плохим.

Его лицо изменилось едва заметно. Он тоже посмотрел на пол.

— Похоже.

В дверь постучали. Кайрен ответил, и в комнату вошел пожилой мужчина в темно-зеленом длинном сюртуке. За ним шла Лиора. В руках он держал кожаный саквояж, потертый у застежки. Увидев меня, он поклонился.

— Госпожа Вейр.

Я уже хотела поправить его, но остановилась. Пока что для всех я действительно была госпожой Вейр. Он представился лекарем дома Рейвен и попросил разрешения осмотреть меня. Я разрешила. Кайрен не уходил.

— Я бы предпочла, чтобы вы подождали снаружи.

Лекарь опустил глаза. Кайрен даже не двинулся.

— Почему?

— Потому что я собираюсь раздеться перед незнакомым

мужчиной.

— Я твой муж.

— Вот именно. Незнакомый.

Лиора кашлянула, слишком быстро отвернувшись. Лекарь сделал вид, что полностью поглощен застегиванием саквояжа. Кайрен смотрел на меня несколько секунд. Потом вышел. Без спора.

Это почему-то удивило меня больше, чем если бы он начал доказывать свои права. Когда дверь закрылась, Лиора быстро помогла мне снять рубашку. Я боялась обнаружить другие раны, но тело Аделины выглядело здоровым: стройное, ухоженное, с небольшой родинкой под левой грудью и старым тонким шрамом возле бедра. Необычным был только багровый след.

Он начинался на запястье, поднимался по внутренней стороне руки и расходился тонкими линиями возле ключицы. В центре груди линии соединялись в небольшой сложный знак. Сейчас кожа вокруг него была воспаленной. Лекарь очень осторожно коснулся пальцами края. Я вздрогнула.

— Больно?

— Терпимо.

Он достал маленькую металлическую пластину с прозрачным камнем.

— Я проверю кровный ток.

— Что это значит?

Мужчина замер. Лиора тихо сказала:

— Госпожа ничего не помнит.

— Совсем?

— Совсем.

Я посмотрела на лекаря.

— Представьте, что мне пять лет и я очень любопытная.

Он явно не привык объяснять пациентам основы местной магии. Но попытался.

— У каждого человека есть обычный кровный ток и магический рисунок крови. У представителей сильных родов рисунок сложнее. Брачная печать соединяет часть двух рисунков.

— Соединяет физически?

— Нет. Магически.

— И что произошло со мной?

— Вы попытались разорвать связь без второй стороны.

Я посмотрела в сторону двери.

— Без мужа.

— Да.

— Это вообще возможно?

— Иногда. После смерти супруга. При тяжелом повреждении связи. По решению суда. Но для живых супругов существуют специальные процедуры.

— Почему Аделина ими не воспользовалась?

Лекарь не ответил. Лиора напряглась. Я перевела взгляд на нее.

— Ты знаешь?

— Госпожа...

— Лиора, я не собираюсь тебя обвинять.

Она опустила глаза.

— После обвинения вам запретили обращаться в Королевскую палату без разрешения лорда Вейра.

Логично. Если ты подозреваешь женщину в краже государственного секрета, свободно ходить по учреждениям ей не позволишь.

— А сам Кайрен не мог начать процедуру?

Лекарь осторожно отступил.

— Это лучше спросить у лорда Вейра.

Я вздохнула.

— Конечно.

Проверка заняла около получаса. Никаких понятных мне приборов не было. Лекарь прикладывал прозрачные пластины к коже, считывал изменение цвета и несколько раз брал кровь из пальца. По его словам, непосредственной угрозы жизни не было. Мне повезло.

Или Аделине не повезло. Здесь я пока не понимала, где проходит граница между нами. Ритуал разрушился до завершения. Печать пострадала, но осталась активной.

— Что это значит для меня? — спросила я.

— Слабость несколько дней. Возможна лихорадка. Головные боли. Иногда возникают всплески эмоционального отклика между супругами.

— Что еще за отклик?

Лекарь снова посмотрел на Лиору. Я уже начинала раздражаться от этой привычки местных людей проверять, сколько мне можно сказать.

— Я правда ничего не знаю.

— При действующей брачной печати супруги могут ощущать сильные эмоции друг друга во время прямого контакта.

— Мысли, воспоминания тоже?

— Нет, только самые сильные эмоции. У большинства пар отклик слабый и со временем почти перестает замечаться.

— А у нас?

— Сейчас печать повреждена. Реакция может быть сильнее.

Прекрасно. Чужой муж, обвинение в государственной измене и магический детектор чувств. Могло быть хуже. Наверное. Лекарь обработал ожог густой прохладной мазью и велел мне отдыхать.

Перед уходом он снова поклонился.

— Я приду утром.

— Спасибо.

Когда мы с Лиорой остались вдвоем, я не стала ложиться.

— У меня много вопросов.

— Я понимаю.

— Вряд ли.

Она слабо улыбнулась. Впервые за все время ее лицо перестало выглядеть напряженным.

— Вы всегда говорили почти то же самое.

Я замолчала. Значит, Лиора помнила, как Аделина разговаривала, и могла сравнить нас.

— Аделина часто задавала вопросы?

— Очень.

— Мы были похожи?

Улыбка исчезла. Лиора посмотрела на меня внимательно.

— Нет.

Ответ оказался настолько быстрым, что мне стало легче. Глупо. Я не хотела быть похожей на Аделину. Но и слышать, что в ее теле я выгляжу совершенно чужой, было неприятно.

— Какая она была?

Лиора села на край кресла. Я осталась у кровати.

— До того как приехала сюда?

— Да.

Она задумалась.

— Спокойная. Очень воспитанная. Она редко говорила то, что думала, если считала, что это может создать проблему. Знала дворцовые правила лучше большинства придворных.

— А здесь?

— Изменилась.

— Как?

Лиора провела пальцами по складке юбки.

— Стала почти ни с кем не разговаривать. Много читала. Просила приносить старые списки, судебные решения, архивные справочники. Несколько раз пыталась связаться с

людьми в Ларене.

— С кем?

— Не знаю. Она не рассказывала.

— Даже тебе?

— Особенно мне.

— Почему особенно?

Лиора подняла глаза.

— Потому что боялась, что меня допросят.

Это было разумно. И не очень приятно.

— Кайрен приезжал после обвинения только сегодня?

— Да.

— Его люди?

— Господин Тарв приезжал несколько раз.

— Кто это?

— Командир личной охраны лорда Вейра.

— Он дружил с Аделиной?

Лиора явно не знала, как ответить вежливо.

— После нападения на конвой господин Тарв был уверен, что госпожа виновна.

— Понятно.

Я прошлась по комнате. Холодный камень под босыми ступнями неожиданно помогал думать.

— Расскажи мне про нападение.

Лиора побледнела.

— Я знаю только то, что говорили.

— Этого достаточно.

— Маршрут конвоя хранился в закрытой части кровного архива лорда Вейра. Его знали несколько человек. За два дня до выезда кто-то получил копию маршрута.

— И использовал печать Аделины.

— Да.

— Конвой попал в засаду.

— В ущелье Ран.

— Семь погибших?

— Семь сразу. Еще двое умерли позже.

Я нахмурилась. Кайрен сказал семь. Возможно, считал только тех, кто погиб во время нападения.

— Кайрен был тяжело ранен?

— Очень.

Лиора сглотнула.

— Его привезли в столицу почти без сознания.

Я вспомнила шрам на его груди.

— Через сколько он приехал к Аделине?

— Через одиннадцать дней.

— В таком состоянии?

— Да.

— Что произошло?

Лиора отвела взгляд.

— Они разговаривали вдвоем.

— Ты ничего не слышала?

— Слышала часть.

Я ждала.

— Лорд Вейр спросил, кому она передала маршрут. Госпожа ответила, что никому.

— Но он сказал, что она не отрицала свою вину.

— Она сказала, что не передавала маршрут.

Это меня заинтересовало.

— А потом?

— Он спросил, пользовалась ли она его хранилищем без разрешения.

— И?

— Она ответила да.

Вот теперь картина стала сложнее.

— Когда?

— Не знаю.

— Зачем?

— Не сказала.

— И тогда прозвучала эта фраза?

Лиора кивнула.

— Что однажды он узнает, зачем она это сделала.

Я села. Значит, Кайрен не совсем солгал. Аделина действительно признала незаконный доступ. Только вопрос был в том, совпадал ли этот доступ с кражей маршрута. Я почувствовала знакомое профессиональное раздражение.

История была слишком удобной. Есть закрытая система. Есть конкретный идентификатор. Есть признание в несанкционированном доступе. Есть отказ объяснять причину.

На месте Кайрена я тоже считала бы Аделину главным по-

дозреваемым. Но главный подозреваемый и доказанный виновник — разные вещи.

— Ее судили?

— Нет.

— Допрашивали?

— Представители Палаты приезжали дважды.

— Кто именно?

— Я не присутствовала.

— Документы остались?

— Часть бумаг хранится в кабинете госпожи.

— Покажешь?

— Сейчас?

— Да.

Она посмотрела на кровать.

— Лекарь велел отдыхать.

— У него нет опыта общения со мной.

Лиора неожиданно рассмеялась. Очень тихо. Я тоже улыбнулась. Ее смех немного успокоил меня. Она принесла мне халат и мягкие туфли.

Мы вышли в коридор. Дом Рейвен оказался огромным. Не дворцом, но и словом «дом» его можно было назвать только из скромности. Широкая каменная лестница. Длинные коридоры.

Высокие окна. Темное дерево. На стенах картины и гобелены. Никакого золотого безумия, но все выглядело дорого. И холодно.

Людей почти не было.

— Сколько здесь слуг?

— Сейчас четырнадцать.

— А раньше?

— Когда дом использовали для приемов, около сорока.

— То есть Аделину поселили в почти пустой резиденции.

Лиора промолчала.

— Охрана?

— Шесть человек снаружи и двое внутри.

— Кайрен не сэкономил на ее безопасности.

— Нет.

Интересный человек. Содержит жену. Защищает ее от суда. Охраняет. Не пишет.

Не приезжает. Не хочет видеть. Я пока не понимала, было в этом больше жестокости или невозможности окончательно от нее отказаться. Кабинет находился этажом ниже. На столе лежали стопки бумаг, несколько закрытых книг и толстая папка с лентами.

В углу стоял небольшой металлический шкаф.

— Это ее документы?

— Да.

Я подошла к столу. Взяла первый лист. И ничего не поняла. Буквы были знакомыми. Слова тоже.

Но написание выглядело непривычно. Я всматривалась в буквы и постепенно узнавала слова. Читала медленно, но понимала смысл. Я нахмурилась.

— Почему я понимаю язык?

Лиора не поняла вопроса.

— Я говорю на вашем языке. Читаю его. Хотя не должна.

— Не знаю.

Я провела пальцем по строке. Еще одна загадка. По крайней мере, мне не придется изучать местную письменность несколько лет. В папке лежали копии протоколов. Я начала читать.

Через десять минут перестала замечать Лиору. Структура была знакомой до боли. Не потому, что документы напоминали современные. Нет. Печати.

Ручные подписи. Формулировки. Но логика расследования не менялась. Кто имел доступ. Когда зафиксирован вход.

Какая защита была активна. Что подтвердил магический журнал. С кем контактировала подозреваемая. Кто проверял систему. Я дошла до страницы с выводами.

«Кровный отпечаток доступа принадлежит госпоже Аделине Вейр. Подмена отпечатка технически невозможна».

Вот эта фраза была выделена дважды. Чернила отличались. Судя по пометкам на полях, Аделина возвращалась к ней не раз. На полях стоял маленький знак вопроса. Я перечитала абзац.

— Лиора.

— Да?

— Кто определяет, что подмена невозможна?

— Палата кровных реестров.

— Та самая, которая проводила расследование?

— Да.

— Они же обслуживают систему?

— Думаю, да.

Я усмехнулась.

— Удобно.

— Что?

— Ничего.

На следующей странице говорилось, что Аделина признала факт доступа к семейному хранилищу за девять дней до нападения. За девять. Маршрут дипломатического конвоя был помещен в закрытую секцию за четыре дня до нападения. Я перечитала даты. Потом еще раз.

— Лиора.

— Да?

— Аделина получила доступ до того, как маршрут появился в хранилище?

Она подошла ближе.

— Я не знаю.

Я показала строки.

— Если эти даты верны, то да.

— Но след...

— След подтверждает, что ее печать использовали второй раз.

Я медленно выпрямилась. Вот теперь было интересно. Аделина признала один несанкционированный доступ. Но

это не означало, что она совершила второй. Очень удобная подмена.

Кто один раз украл, тот украл и второй раз. Люди обожали такую логику. Она сэкономила время.

— Где Кайрен?

Лиора удивилась.

— Наверное, в нижней гостиной.

— Мне нужно с ним поговорить.

— Сейчас?

— Сейчас.

Мы нашли его в небольшой комнате рядом с главным залом. Кайрен стоял у камина и разговаривал с мужчиной в сером дорожном камзоле. Когда я вошла, оба обернулись. Незнакомец сразу выпрямился. Ему было около сорока. Крепкий, коротко стриженный, с резкой линией рта.

— Госпожа Вейр.

Я посмотрела на Лиору. Она тихо сказала:

— Рен Тарв.

Тот самый командир охраны. И человек, уверенный в виновности Аделины. Его взгляд задержался на моем лице. Не ненависть. Скорее холодная настороженность.

— Ты должна отдыхать, — сказал Кайрен.

— Я нашла кое-что в отчете. Послушайте меня, потом вернусь в постель.

Рен поднял бровь. Кайрен ничего не сказал. Я положила перед ним найденный протокол.

— Посмотрите на даты.

Он не взял документ.

— Я знаю этот отчет.

— Тогда назовите дату первого доступа Аделины.

Он явно не ожидал вопроса.

— За девять дней до нападения.

— Когда маршрут появился в хранилище?

Кайрен посмотрел на лист.

— За четыре дня.

— Значит, во время того доступа, который она признала, украсть маршрут было невозможно.

Рен вмешался:

— Был второй доступ.

— Да.

Я повернулась к нему.

— И чем доказано, что второй совершила именно она?

— Кровным следом.

— Я спрашиваю не о печати. Я спрашиваю о человеке.

Его лицо стало жестче.

— Это одно и то же.

— Почему?

— Потому что чужой человек не может использовать супружескую печать.

— Кто это установил?

Он посмотрел на Кайрена. Кайрен ответил:

— Палата.

— Палата обслуживает такие печати?

— Да.

— Проверяет нарушения?

— Да.

— Определяет правила?

— В основном.

— И сама утверждает, что ее систему невозможно обмануть?

Рен раздраженно произнес:

— Ты хочешь сказать, что вся Королевская палата участвовала в заговоре?

— Я ничего не хочу сказать. Я задаю вопрос, на который никто из вас пока не отвечает.

Кайрен взял протокол.

— Какой?

— Что именно зафиксировало хранилище в день кражи?

— Печать Аделины.

— Ее присутствие?

— Нет.

— Ее кровь?

— Нет.

— Ее лицо?

Он начал понимать, к чему я веду.

— Нет.

— Тогда все, что у вас есть, — подтверждение использования права доступа, записанного на ее имя.

Рен покачал головой.

— Ты играешь словами.

— Нет. Я разделяю факты.

Я посмотрела на Кайрена.

— В моем мире люди тоже любят считать учетную запись человеком. Это удобно до первого украденного пароля.

— Что такое учетная запись?

— Неважно. Суть та же. Если система пишет мое имя, это значит только то, что кто-то использовал мои полномочия. Не обязательно я.

— Кровную печать нельзя украсть как пароль.

— А скопировать?

— Нет.

— Перенести?

— Нет.

— Подделать?

— Нет.

— Временно воспроизвести?

— Нет.

Я наблюдала за ним. Он отвечал слишком уверенно. Как Андрей Петрович в переговорной. Только Андрей Петрович хотя бы не вырос в мире, где магические правила считались почти законами природы.

— Вы сами это проверяли?

Кайрен медленно положил протокол.

— Нет.

— Тогда вы верите специалистам.

— Да.

— Специалистам Палаты.

— Да.

— Которые сами проверяли, можно ли обойти систему Палаты.

Рен тихо выругался.

— Это бессмысленно.

— Возможно.

Я не спорила.

— Но если ваша система действительно безошибочна, доказать это еще раз не составит труда.

Кайрен долго смотрел на меня. Потом перевел взгляд на Лиору.

— Где ты нашла отчет?

— В кабинете госпожи.

— Там есть остальные материалы?

— Да.

Он повернулся ко мне.

— Кто ты?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— Я уже сказала.

— Нет. Я спрашиваю не имя.

Я поняла.

— Чем я занималась?

— Да.

— Внутренними расследованиями.

— Что это значит?

— Когда в компании кто-то крал деньги, документы, данные или использовал чужой доступ, я выясняла, что произошло.

Рен коротко усмехнулся.

— Удобная профессия.

— Особенно когда просыпаешься в теле женщины, обвиненной в краже секретов.

Он перестал улыбаться. Кайрен продолжал смотреть на меня.

— И ты считаешь Аделину невиновной?

— Нет.

Ответ явно удивил обоих.

— Она признала, что вошла в ваше хранилище без разрешения. Я не знаю зачем. Это серьезно.

Кайрен чуть склонил голову.

— Но?

— Но я не вижу доказательства, что она украла маршрут.

— След ее печати.

— Мы вернулись к началу разговора.

На этот раз он не ответил сразу. Я поняла, что впервые заставила его сомневаться. Не в Аделине. Пока только в полноте доказательства. Этого было достаточно.

— Есть еще один вопрос, — сказала я.

— Какой?

— Почему вы не развелись?

Рен посмотрел в сторону. Лиора тоже напряглась. Видимо, вопрос был не для посторонних. Кайрен сделал короткий жест. Рен и Лиора вышли.

Мы остались вдвоем.

— Ты уже спрашивала об этом.

— Я спрашивала, почему вы не отдали ее под суд.

— Разница небольшая.

— Для меня большая.

Он подошел к камину.

— Расторжение брака после обвинения в государственной измене автоматически передало бы дело в королевский суд.

— И?

— У меня не было права закрыть его после развода.

— Пока она оставалась вашей женой, было?

— У дома Вейр есть право внутреннего разбирательства по преступлениям, связанным с семейными хранилищами, если корона не требует передачи дела.

— Корона не потребовала?

— Я убедил ее не требовать.

— Каким образом?

Он посмотрел на меня.

— Это не важно.

Я почти улыбнулась.

— Судя по всему, вы очень влиятельный человек.

— Достаточно.

— То есть вы сохранили брак, чтобы Аделину не казнили.

— Вначале да.

— А потом?

Он помолчал.

— Потом выяснилось, что печать повреждена.

— Когда?

— Через три месяца после нападения. Я начал подготовку к расторжению. Специалист предупредил, что насильственный разрыв может повредить обоим.

— Насколько серьезно?

— Потеря части магии. Повреждение сердца. В худшем случае смерть.

Я посмотрела на знак под халатом.

— Почему она была повреждена?

— Не знаю.

— Разве это не странно?

— После несанкционированного использования такое возможно.

— Кто вам это сказал?

Его взгляд стал тяжелым.

— Палата.

Я ничего не сказала. Не было необходимости. Он сам услышал ответ. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Ты слишком быстро решила, что Палата виновна, — произнес он.

— Я ничего не решила.

— Ты каждый вопрос ведешь туда.

— Потому что это единственное место, которое присутствует во всех ваших объяснениях.

— Ты знаешь о нашем мире меньше одного дня.

— Именно поэтому я пока не успела привыкнуть к вашим привычным ответам.

На его лице появилось выражение, которое я не сразу распознала. Почти интерес. Он отвернулся первым.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Завтра я запрошу полные журналы доступа.

— Не только к вашему хранилищу.

Он обернулся.

— Что еще?

— Историю обслуживания печати Аделины. Кто ее осматривал. Кто имел физический доступ. Какие образцы крови брали. Какие процедуры проводили.

— Ты даже не знаешь, как устроена процедура.

— Поэтому хочу узнать.

Он чуть качнул головой.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Невыносимо последовательная.

— Мне за это платили.

— Здесь тебе никто не платит.

— Тогда вам повезло.

На этот раз угол его рта действительно дрогнул. Совсем немного. И мне вдруг стало трудно отвести взгляд. До этого я оценивала его почти как участника расследования. Возраст.

Положение. Манера говорить. Реакции. Теперь впервые увидела просто мужчину. Темные волосы еще не полностью высохли после дождя.

Сильные руки. Шрам у подбородка. Тонкая усталость вокруг глаз. И слишком хорошо сидящая на нем темная рубашка. Я тут же разозлилась на себя.

Тело было чужим. Мужчина был чужим. И все происходящее и без того достаточно сложно. Кайрен тоже перестал улыбаться. Возможно, заметил мой взгляд.

— Ты действительно меня не помнишь.

Это прозвучало иначе. Не как обвинение.

— Нет.

— Совсем.

— Я знаю ваше имя. Теперь знаю, что мы формально женаты. Знаю, что вы меня подозреваете. И что вы не приезжали четырнадцать месяцев.

— Я не тебя подозреваю.

Я замерла. Он сам заметил оговорку. Несколько секунд никто не говорил.

— Аделину, — уточнил он.

— Да.

Это было первое различие между мной и женщиной, чье

лицо он видел. И почему-то оно оказалось важным. Кайрен подошел ближе.

— Покажи руку.

— Зачем?

— Печать.

Я протянула левую руку. Он взял меня за запястье. От его прикосновения мне внезапно стало больно и тоскливо. Еще секунду назад я только ждала осмотра; теперь едва удерживалась от слез. Я задержала дыхание.

Боль. Не физическая. Глубокая, старая, почти привычная. Под ней злость. Усталость.

И еще что-то горячее, от чего у меня мгновенно напрягся живот. Я выдернула руку. Кайрен отступил так резко, будто тоже обжегся. Мы смотрели друг на друга. Я чувствовала жар на щеках.

— Это был ваш эмоциональный отклик?

Он медленно кивнул.

— Печать нестабильна.

— Я заметила.

Он выглядел не намного спокойнее меня.

— Что ты почувствовала?

— Не ваше дело.

— Это буквально мои эмоции.

— Тем более.

В его глазах снова появился багровый оттенок. Теперь я уже знала, что это не декоративная особенность.

— А вы?

Он не ответил.

— Справедливо, — сказала я. — Я тоже не скажу.

— Вера.

Это был первый раз, когда он назвал меня моим именем. Я замерла. Он тоже. Возможно, произнес случайно. Возможно, нет.

— Что?

— Не касайся меня без необходимости, пока печать не осмотрят нормально.

— Я и не собиралась.

— Хорошо.

— Вы первый меня схватили.

— Я взял тебя за руку.

— В вашем мире это называется иначе?

Он раздраженно выдохнул.

— Невыносимая.

— Последовательная.

Он снова почти улыбнулся. Я поймала себя на том, что мне нравится видеть это выражение на его лице. И это было очень плохое начало.

* * *

Ночью я все-таки попыталась спать. Не получилось. Слишком много всего произошло за один день. Умерла. Проснулась.

Получила чужое тело. Чужое имя. Чужое обвинение. Чу-

жого мужа. Причем муж оказался не тем человеком, которого было удобно ненавидеть.

Было бы намного проще, если бы Кайрен оказался самодовольным чудовищем. Он бросил жену. Да. Не отвечал на письма. Да.

Держал ее в удаленном доме под охраной. Да. Но одновременно не позволил государству ее казнить. Содержал. Защищал.

Не развелся, когда узнал, что процедура может ее убить. И сам едва не погиб из-за утечки, в которой все доказательства указывали на Аделину. Я лежала на спине и смотрела в темный потолок. Самое неприятное заключалось в том, что я понимала его.

Если бы в моем расследовании сотрудник признал незаконный вход в систему, отказался объяснять причину, а его учетная запись потом использовалась для утечки, у меня тоже были бы очень серьезные вопросы. Но я все равно проверила бы второй вход отдельно. Кайрен этого не сделал. Или сделал недостаточно. За окном начинало светать, когда я наконец задремала.

Разбудил меня стук. Я открыла глаза. Лиора вошла с подносом.

— Доброе утро.

— Смотря по каким меркам.

Она поставила еду на стол. Хлеб. Сыр. Фрукты. Небольшой кувшин с чем-то горячим.

Я осторожно понюхала. Травяной настой.

— Кофе здесь существует?

— Что?

— Уже поняла.

Я села. Тело болело меньше. Ожог на груди все еще неприятно тянул.

— Лорд Вейр уехал?

— Нет.

— Странно.

— Он почти не спал.

Я посмотрела на нее.

— Откуда ты знаешь?

— Свет в кабинете горел до утра.

— Значит, все-таки запросил документы.

Лиора склонилась над покрывалом, пряча улыбку.

— Что?

— Ничего.

— Лиора.

— Вы разговариваете с ним иначе.

Я взяла кусок хлеба.

— Потому что не знаю, каким образом должна разговаривать.

— Раньше вы почти не спорили.

— С мужем?

— До разрыва.

— А после?

— После вы разговаривали только один раз.

Я перестала жевать.

— Тот самый разговор после нападения.

— Да.

— А до этого они были счастливы?

Лиора задумалась.

— Не знаю, имею ли право отвечать.

— Я не спрашиваю про постель.

Она покраснела.

— Я не это имела в виду.

— Тогда?

— Госпожа любила его.

Я опустила взгляд на тарелку.

— А он?

— Думаю, тоже.

— Очень убедительно.

— Лорд Вейр редко показывает чувства.

— Я заметила.

Она помолчала.

— После вашей свадьбы он изменился.

— Как?

— Чаще бывал дома.

— Великое достижение.

Лиора улыбнулась.

— Для него да.

Мне не хотелось спрашивать дальше. Но я спросила.

— У него была другая женщина?

Лиора резко подняла голову.

— Нет.

— После разрыва?

— Нет.

— Ты уверена?

— В столице все знали бы.

Еще одна ненужная информация, которая почему-то вызвала облегчение. Я разозлилась уже второй раз за утро.

— Хорошо. Что у нас сегодня?

— Лекарь придет через час. Лорд Вейр просил вас после осмотра спуститься в кабинет.

— Просил?

— Да.

— Не приказал?

Лиора посмотрела на меня так, словно проверяла, шучу ли я.

— Просил.

— Прогресс.

Осмотр прошел быстро. Лекарь остался доволен тем, как заживала кожа. Я оделась с помощью Лиоры. Платье оказалось красивым и неудобным. Темно-серое, с длинными рукавами и застежками, которые я самостоятельно не нашла бы еще неделю.

— У Аделины не было ничего проще?

Лиора посмотрела на шкаф.

— Есть домашние платья.

— Давайте договоримся: если мне не нужно встречать короля, я выбираю то, что могу снять сама.

Она снова рассмеялась. Через двадцать минут я вошла в кабинет. Кайрен сидел за столом. Перед ним лежало несколько толстых папок.

— Доброе утро.

— Уже день.

Я посмотрела на окно.

— Который час?

Он указал на высокий механический прибор у стены. Я подошла ближе. Стрелки. Хорошо. Хотя бы время выглядело знакомо.

— Это журналы?

— Часть.

Я села напротив.

— Быстро.

— Когда командующий воздушной стражей просит документы по делу о нападении на его собственный конвой, чиновники начинают двигаться быстрее.

— Полезный навык.

Он подвинул ко мне первую папку.

— История обслуживания печати Аделины.

Я открыла. Первые записи шли за несколько лет. Проверка после свадьбы. Плановый осмотр. Коррекция контура.

Еще один осмотр. Потом дата примерно за два месяца до

первого незаконного доступа. Я остановилась.

— Что это?

Кайрен наклонился.

— Восстановление чувствительности.

— Что произошло?

— Аделина жаловалась, что печать иногда не реагирует на прямой контакт.

— И это проблема?

— Обычно нет.

— Но она обратилась в Палату.

— Да.

— Кто проводил процедуру?

Он указал на подпись. Я попыталась прочитать имя.

— Марен Сойл?

— Старший специалист.

— Он еще работает?

— Нет. Умер восемь месяцев назад.

Очень удобно. Я пролистала дальше.

— Брали кровь.

— При таких процедурах это нормально.

— Сколько?

— Несколько капель.

— В журнале написано «две меры».

— Это тоже немного.

— Где фиксируется уничтожение остатка?

Кайрен нахмурился.

— Какого остатка?

— Если кровь использовали для процедуры и не всю израсходовали, что делали с оставшейся?

— Не знаю.

Я подняла глаза.

— Стоит выяснить.

Он кивнул. Следующая запись была интереснее. После нападения Палата снова осматривала печать. На этот раз уже в доме Рейвен.

— Кто приезжал?

— Двое специалистов.

— Имена?

Он назвал. Одно мне ничего не говорило. Второе я уже видела в материалах.

— Этот человек подписывал заключение о невозможности подмены печати.

Кайрен посмотрел на строку.

— Да.

— И он же лично осматривал саму печать после утечки.

— Что ты хочешь сказать?

— Пока ничего.

Я сделала пометку на отдельном листе.

— Мне нужны такие же записи по другим случаям.

— Каким другим?

— Где супругу обвиняли в использовании брачной печати.

— Таких дел немного.

— Тем лучше.

Он откинулся на спинку кресла.

— Ты действительно собираешься расследовать дело Аделины.

— А вы нет?

— Я расследовал его четырнадцать месяцев назад.

— Вы приняли выводы Палаты.

Его лицо стало холоднее.

— Я видел след собственными глазами.

— Я верю.

— Ты говоришь так, будто это ничего не значит.

— Это значит очень много. Просто не то, что вы решили.

— Вера.

— Что?

— В моем хранилище нельзя использовать чужую печать.

— Значит, использовали печать Аделины.

— Именно.

— Но это все еще не доказывает, что рядом с ней находилась Аделина.

Он раздраженно провел ладонью по столу.

— Ты строишь все на возможности, которой официально не существует.

— Большинство хороших схем существует до тех пор, пока кто-то не признает, что они возможны.

Наш спор прервал стук. Рен вошел без привычного спо-

койствия.

— Кайрен.

Одного имени хватило. Тот сразу встал.

— Что случилось?

— Курьер из Ларена. Срочная печать.

Кайрен вышел. Я осталась сидеть. Через несколько минут из коридора донеслись быстрые шаги. Потом дверь снова открылась. Кайрен вернулся вместе с молодым мужчиной в дорожном плаще.

Курьер тяжело дышал, будто часть пути пробежал. В руках держал металлический футляр.

— Милорд.

Он протянул его Кайрену. Тот коснулся замка пальцем. На металле на секунду вспыхнула багровая линия. Крышка открылась. Внутри лежал сложенный лист.

Кайрен прочитал первые строки. И замер. Рен подошел ближе.

— Что?

Кайрен ничего не сказал. Просто передал ему письмо. Рен прочитал. Его лицо изменилось. Я встала.

— Что произошло?

Они оба посмотрели на меня. И я сразу поняла. Что-то связанное с Аделиной.

— Кайрен?

Он подошел к столу. Положил письмо передо мной. Я прочитала. Смысл пришлось собирать из официальных фор-

мулировок. Ночью из закрытого кровного хранилища дома Вейр был извлечен документ.

Список временных маршрутов воздушной стражи на следующую неделю. Копия исчезла. Защита не была сломана. Основной замок не поврежден. Использован разрешенный доступ.

Внизу стояла строка:

«Кровный оттиск: супружеская печать Аделины Вейр».

Я перечитала дважды. Потом подняла голову.

— Когда это произошло?

— Сегодня в четвертом часу ночи, — ответил Кайрен.

Я посмотрела на часы.

— Где я была в четвертом часу?

Никто не ответил. Ответ был очевиден. В доме Рейвен. Под охраной. После неудачного ритуала.

С лекарем, Лиорой и людьми Кайрена вокруг. До Ларена отсюда, по словам Лиоры, несколько часов пути даже на хорошем экипаже. Я медленно подвинула письмо обратно.

— Вы уверены, что это то же хранилище?

— Да.

— Тот же тип записи?

— Да.

— И ваша система снова утверждает, что доступ использовала Аделина Вейр?

Кайрен смотрел на меня. Еще вчера в его глазах при этом имени появлялась уверенность. Сейчас ее не было. Я почув-

ствовала не торжество. Холод.

Потому что если все было именно так, то проблема была намного серьезнее одной разрушенной семьи. Кто-то только что воспользовался ключом женщины, находившейся в нескольких часах пути от хранилища. И сделал это после того, как она почти погибла, пытаясь уничтожить собственную печать.

— Теперь, — сказала я, — у нас есть факт.

Рен нахмурился.

— Какой?

Я посмотрела на Кайрена.

— След печати не доказывает, кто ее использовал.

Он долго молчал. Потом взял со стола письмо.

— Собирайся.

— Куда?

— В Ларен.

— Зачем?

— Ты хотела увидеть хранилище.

Его голос оставался ровным, но я впервые услышала в нем не обвинение. Решение.

— Теперь увидишь.

Я поднялась.

— И что будет потом?

Кайрен посмотрел на меня так, будто ответ ему самому не нравился.

— Потом мы выясним, кто пользовался печатью моей же-

ны.

Он остановился. Едва заметно. И поправился:

— Печатью Аделины.

Он забрал письмо, но папку с прежним заключением оставил мне. Теперь я могла добиваться проверки не только словами: новый доступ опровергал главный вывод Палаты.

Глава 2. Ключ с моим именем

До Ларена мы добирались почти четыре часа. Первые полчаса я пыталась смотреть в окно и одновременно не задавать вопросов каждые две минуты. Получалось плохо. Мир за стеклом был достаточно знакомым, чтобы не казаться сказкой, и достаточно чужим, чтобы постоянно напоминать: домой я не вернусь.

Узкая дорога шла между полями, потом нырнула в лес. Иногда попадались деревни с каменными домами, черепичными крышами и небольшими площадями. Люди провожали наш экипаж взглядами, а некоторые мужчины снимали шляпы. Я сначала решила, что дело в богатом гербе на дверце. Потом увидела над дорогой огромную тень.

Подняла голову. Дракон прошел высоко над лесом. Настоящий. Темно-зеленый, с широкими крыльями и длинным хвостом. Я прижалась к окну.

— Это...

Кайрен, сидевший напротив, оторвался от документов.

— Дракон.

— Я поняла.

Он едва заметно поднял бровь.

— Тогда что тебя удивило?

— Сам факт существования.

Рен, занимавший место рядом с Кайреном, посмотрел на

меня так, словно до сих пор не решил, насколько глубоко зашла моя предполагаемая игра.

— В вашем мире их нет? — спросил он.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— И магии?

— Тоже.

Рен перевел взгляд на Кайрена. Тот продолжал читать.

— Не смотри на меня, — сказал он. — Я не утверждал, что понимаю происходящее.

Мне хотелось спросить, верит ли он хоть немного в мою историю, но я решила не торопиться. После ночной утечки его отношение изменилось. Не стало теплым. Даже близко. Но теперь он хотя бы рассматривал возможность того, что его прежние выводы были неполными.

И это было намного важнее симпатии. Я снова посмотрела в окно.

— Все драконы могут летать?

— В полном облике — да, — ответил Кайрен.

— А вы?

На этот раз он поднял глаза.

— Я дракон.

— Это не ответ.

Рен усмехнулся.

— Да, госпожа Вейр. Лорд Вейр умеет летать.

— Я не госпожа Вейр.

— По закону именно так.

— По закону этого мира, о котором я вчера ничего не знала.

— Это все равно закон.

— Рен, — спокойно сказал Кайрен.

Тот замолчал. Я заметила, что Кайрен обращается к нему не как к подчиненному. Между ними чувствовалось что-то более старое, чем служебная иерархия.

— Сколько вообще существует драконьих родов? — спросила я.

— Старших — одиннадцать, — ответил Кайрен. — Младших больше сорока.

— Цвет определяет силу?

— Линию дара.

— У вас багровая.

— Да.

— Кровная память и хранилища?

Он кивнул.

— У Зеленых связь с землей и растениями. У Серебряных — защитные контуры. У Белых — восстановление тканей. Это самые известные линии.

— Они могут лечить?

— Могут ускорять восстановление. Это не значит, что способны вернуть мертвого.

— Жаль.

Слово вырвалось само. Кайрен посмотрел на меня. Я отвернулась к окну. Никто не продолжил тему. Некоторое время в экипаже было тихо.

Потом я заметила папку на коленях Кайрена.

— Что читаете?

— Отчет ночной стражи.

— Можно?

Он посмотрел на меня.

— Зачем?

— Потому что я участвую в расследовании.

— Пока никто не назначал тебя следователем.

— Тогда зачем везете к хранилищу?

Рен снова усмехнулся.

— У нее на все есть ответ.

— Нет, — сказала я. — Именно поэтому я задаю вопросы.

Кайрен подал мне папку. Я начала читать. Ночью в городской резиденции дома Вейр находились двадцать три человека. Шесть охранников. Девять слуг.

Два архивных смотрителя. Несколько людей Кайрена. Никто не входил в закрытую часть хранилища. По крайней мере, физически. В 3:47 защита зарегистрировала использование супружеской печати.

В 3:49 одна из копий списка маршрутов была открыта. В 3:52 контур закрылся. Сигнал тревоги не сработал. Потому что система считала доступ законным.

— В журнале есть информация, откуда активировали пе-

чать?

— Нет, — ответил Кайрен.

— То есть система фиксирует право, но не место?

— Да.

— Очень удобно для того, кто умеет подделывать право.

— Ты опять считаешь, что печать подделали.

— Я считаю, что она сработала без меня.

— Без Аделины, — поправил Рен.

Я посмотрела на него.

— Тело Аделины было со мной всю ночь. Так вам проще?

Он нахмурился. Кайрен забрал у меня папку.

— В доме Рейвен восемь человек могут подтвердить, что ты никуда не выходила.

— Девять, если считать лекаря.

— Девять.

— Значит, у вас впервые есть идеальная контрольная ситуация.

— Что это значит?

— В старом деле вы не могли доказать, где находилась Аделина в момент второго доступа.

— Не могли.

— Теперь можете доказать, где находилась я.

Кайрен медленно кивнул.

— Поэтому я и везу тебя в Ларен.

— Хорошо.

Я задумалась.

— Мне нужны еще две вещи.

Рен издал тихий звук, похожий на вздох обреченного человека.

— Какие?

— Полный список людей, которые знали о существовании документа.

— Он был служебным.

— Это не ответ.

Кайрен перечислил. Сам он. Рен. Начальник планирования воздушной стражи. Два офицера.

Архивист.

— Шесть человек.

— Да.

— И еще любой, кто мог получить доступ через систему.

— Теоретически.

— Вот это слово мне нравится больше.

— Почему?

— Потому что оно честнее слова «невозможно».

Кайрен отвернулся к окну. Но я успела увидеть слабую усмешку.

* * *

Ларен появился после полудня. Сначала я увидела башни. Потом широкую стену, окружавшую старую часть города, и еще одну линию построек дальше. Город оказался намного крупнее, чем я ожидала. Над крышами поднимались шпили дворца, купола храмов, высокие башни ведомств. По отдель-

ным площадкам садились драконы.

Прямо на город. Я снова прижалась к окну.

— Они не раздавят людей?

Рен посмотрел на меня с неподдельным удивлением.

— На посадочных площадках?

— Простите, в моем городе такие площадки предназначались максимум для вертолетов.

— Для чего?

— Неважно.

Кайрен впервые за дорогу рассмеялся. Не громко. Просто коротко выдохнул и отвернулся. Я посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

— Вы смеетесь надо мной.

— Немного.

— Хорошо. Хотя бы умеете.

Улыбка исчезла, но не сразу. Мне неожиданно понравился звук его смеха. И это раздражало. Городская резиденция Вейров находилась не во дворцовом квартале, как я ожидала, а ближе к центру старого города. За высокими воротами стоял трехэтажный каменный дом с внутренним двором.

Здесь было намного оживленнее, чем в Рейвене. Слуги. Охрана. Посыльные. Люди в форме.

Когда экипаж остановился, ко мне тут же подошел мужчина в темном плаще, но Кайрен жестом остановил его.

— Я сам.

Он подал руку. Я посмотрела на ладонь. Потом на него.
— Печать.

Кайрен тоже вспомнил. Убрал руку.
— Верно.

Я вышла сама. Едва ступила на камни двора, несколько человек замерли. Не демонстративно. Но достаточно заметно. Они смотрели на меня.

На Аделину. Жену хозяина дома, которая исчезла отсюда четырнадцать месяцев назад. Мне стало неуютно. Кайрен это заметил.

— Хранилище внизу.

— Отлично.

— Ты можешь сначала отдохнуть.

— Нет.

— Вера.

— Чем дольше мы ждем, тем больше времени у того, кто получил документ.

Он ничего не ответил. Просто повел меня внутрь. В доме было красиво и слишком знакомо для тела, в котором я находилась. На поворотах я иногда ускоряла шаг раньше, чем успевала осмотреться. Не могла вспомнить эти коридоры, но двигалась по ним привычно.

Я могла угадать высоту ступени. Обойти выступ стены. Заранее повернуть плечо в узком проходе. Это пугало больше, чем если бы все было полностью чужим.

— Аделина здесь жила? — спросила я.

— Почти три года.

— До Рейвена.

— Да.

Я не стала спрашивать, где была их спальня. Не сейчас. Мы спустились на нижний этаж. Дальше началась часть дома, больше похожая на банк, чем на дворянскую резиденцию. Две металлические двери.

Пост охраны. Проверка жетонов. На последней двери не было обычного замка. В центре находилась темная пластина с тонкими красными линиями. Кайрен приложил ладонь.

Линии загорелись. Дверь открылась. Я вошла вслед за ним. Внутри было прохладно. Каменные стены.

Ниши. Металлические шкафы. На полу светились тонкие багровые полосы. В центре стоял массивный стол.

— Это и есть кровное хранилище?

— Внешняя часть.

— А внутренняя?

Кайрен указал на вторую дверь. Она выглядела проще первой.

— Там закрытые государственные сведения.

— И Аделина могла войти?

— Только в аварийном режиме.

— Что это значит?

— Если я ранен, без сознания или нахожусь вне королевства, супружеская печать может открыть ограниченный уровень.

— А ночью?

— Не должна была.

— Потому что вы были доступны.

— Да.

Я подошла к металлической пластине рядом с дверью. Не касаясь.

— Где появляется запись? И обязательно ли входить внутрь, чтобы получить копию?

— Не всегда, — ответил Кайрен. — Для передачи офицерам есть копировальные пластины. Одна установлена здесь, приемные — в штабе и Палате. Они передают изображение страницы, если подтвердить нужное право на приемной пластине. Заряд в камне расходуется на каждую копию.

— Значит, запись о доступе не обязательно означает, что открыли дверь.

— Да. Но право супруги все равно должно подтверждаться ее печатью. Поэтому прежнее заключение и было таким.

Кайрен вызвал архивиста. Пришел мужчина лет пятидесяти с очень бледным лицом. Увидев меня, он сбился на полуслове.

— Госпожа Вейр.

— Вера, — сказала я.

Он посмотрел на Кайрена.

— Делайте, как она просит, — ответил тот.

Архивист явно ничего не понял, но спорить не стал. Его звали Севен Дар. Он показал нам журнал. Не книгу. Метал-

лическую панель с тонкими пластинами внутри. При прикосновении к краю на поверхности появлялись строки.

Больше всего устройство напоминало терминал. Я попросила Севена показать, как читать записи.

— Покажите ночной доступ.

Севен приложил палец к панели. Появилась запись. Время. Уровень. Тип доступа.

Имя. Аделина Вейр. Я смотрела на собственное чужое имя. Неприятное ощущение. Как будто кто-то подписал мной документ, которого я никогда не видела.

— Можно узнать, что именно проверяет система? — спросила я.

Севен нахмурился.

— Не понимаю.

— Когда я касаюсь двери, что она сравнивает?

— Кровный рисунок.

— Мой?

— Печати.

— Это не одно и то же.

Он задумался. Кайрен стоял рядом молча.

— Печать содержит часть вашего кровного рисунка и часть рисунка супруга.

— Хорошо. Значит, система не проверяет все мое тело.

— Разумеется, нет.

— Она проверяет магический образец.

— Да.

Я посмотрела на Кайрена.

— Уже интереснее.

Севен явно нервничал.

— Госпожа, подделать образец невозможно.

— Почему?

— Потому что он уникален.

— Отпечаток пальца тоже уникален.

Он не понял.

— В моем мире есть способ подтверждать личность по рисунку пальца. Он уникален. Но если человек оставит отпечаток на стекле, его можно скопировать.

Севен выглядел так, будто я предложила открыть дверь куском хлеба.

— Кровный рисунок не отпечаток.

— Я понимаю. Поэтому и спрашиваю, что именно система получает.

Он посмотрел на Кайрена. Тот сказал:

— Отвечай.

— Магический отклик печати.

— Где хранится сама печать?

— В теле супругов.

— Тогда ночью отклик должен был идти от моего тела.

— Да.

— Но оно находилось в Рейвене.

Севен побледнел еще сильнее.

— Возможно, повреждение после ритуала...

— Произошло раньше или позже ночного доступа? — спросила я.

Кайрен ответил:

— Ритуал был вечером. Утечка ночью.

— Тогда повреждение могло позволить системе ошибиться?
ся?

Севен быстро сказал:

— Нет.

— Почему?

— Поврежденная печать может не сработать. Но не может сработать на расстоянии.

— Отлично.

Я посмотрела на Кайрена.

— Значит, ритуал не объясняет случившееся.

Он кивнул.

— Севен, кто имеет доступ к журналам?

— Я. Мои два заместителя. Лорд Вейр. По официальному запросу Королевская палата.

— Можно изменить старую запись?

— Нет.

— Совсем?

— Только с использованием главного реестрового ключа Палаты. И изменение останется отмечено.

— Ночью отметок не было?

— Нет.

— Значит, запись настоящая.

— Да.

— А вот смысл записи мы пока трактуем неправильно. Севен посмотрел на меня.

— Госпожа...

— Вера.

— Вера. Я работаю с кровными архивами двадцать семь лет.

— Тогда вы мне очень нужны.

Он растерялся.

— Я не пытаюсь доказать, что вы плохо знаете систему. Я пытаюсь понять, где именно в ней можно сделать то, что считается невозможным.

Он медленно кивнул.

— Хорошо.

— Кто устанавливал этот контур?

— Королевская палата.

— Кто обслуживает?

— Мы проводим ежедневные проверки. Раз в год специалисты Палаты выполняют полный осмотр.

— Когда был последний?

Севен назвал дату. Я мысленно сопоставила ее с нашим календарем местных месяцев. Около двух месяцев назад.

— После того как Аделину уже отправили в Рейвен?

— Да.

— Кто приезжал?

Севен достал журнал. Два имени. Одно я уже видела.

— Элмар Весс, — прочитала я.

Кайрен сразу посмотрел на запись.

— Это тот, кто участвовал в осмотре печати после нападения.

— Именно.

Второе имя было незнакомым.

— Сарин Холт.

— Старший мастер контуров, — объяснил Севен.

— Они живы?

— Да.

Уже лучше. Я попросила копию записи. Севен занервничал.

— Эти документы нельзя выносить.

— Тогда я буду работать здесь.

Кайрен вмешался:

— Сделай копию.

Севен больше не спорил. Я прошла вокруг стола.

— Теперь сам документ.

Кайрен открыл внутреннюю часть хранилища. Перед этим пришлось пройти еще одну проверку. Он порезал палец тонким лезвием и приложил каплю крови к пластине. Красные линии разошлись по двери. Она открылась.

Внутри хранились металлические коробки, папки и несколько кристаллических пластин. Никаких сокровищ. Только информация.

— Где был список?

Кайрен указал на шкаф. Архивист открыл его своим ключом. Внутри лежали три папки. Четвертая папка лежала на копировальной пластине рядом.

— Украл сам документ?

— Нет, — сказал Кайрен. — Передали изображение страниц. Бумажные копии для офицеров на месте.

— На какую приемную пластину?

— В отчете только код супружеского доступа. Адрес получателя Палата считает технической записью и хранит у себя.

Я осмотрела шкаф.

— Дверь ночью открывали?

— Внешний пост не зарегистрировал входов.

— Сколько занимает передача?

— Около минуты, если заранее выбран документ.

— Значит, пяти минут доступа хватало.

Кайрен смотрел на меня.

— Что?

— Ничего.

— Вы уже что-то решили.

— Решила, что человек знал, что ищет.

— Это очевидно.

— Не совсем. При случайном доступе пришлось бы просматривать опись. Здесь запросили конкретный список. Значит, знали хотя бы его архивное обозначение.

Рен, стоявший у двери, нахмурился.

— Или раньше бывал внутри.

— Тоже вариант.

— Тогда круг подозреваемых уменьшается.

— Не спешите.

Он недовольно посмотрел на меня.

— Почему?

— Потому что тот, кто украл документ, мог получить информацию о расположении от другого человека.

— Ты всегда расширяешь круг подозреваемых?

— Пока факты не позволяют его сузить.

Рен покачал головой.

— С тобой трудно закончить хотя бы один спор.

— Попробуйте ответить на вопрос.

Кайрен спокойно сказал:

— Я пробовал. За ним следует следующий.

— Потому что вы отвечаете не на все.

Рен неожиданно улыбнулся. Напряжение в комнате немного ослабло. Я снова посмотрела на шкаф.

— Кто знал точное место?

Севен перечислил. Он сам. Два помощника. Кайрен. Рен.

Начальник планирования. Еще один офицер, который принес документы.

— И специалисты Палаты могли видеть устройство во время последнего осмотра?

— Да, — сказал Севен.

Я записала имена.

— Мне нужны сведения обо всех.

— Госпожа... Вера, — поправился он. — Вы хотите расследовать сотрудников Палаты?

— Я хочу проверить людей, которые имели возможность.

— Это не одно и то же.

— Именно.

Кайрен посмотрел на мои записи.

— Что дальше?

— Осмотр моей печати независимым специалистом.

— Я уже вызвал Илену Мерр.

— Кто она?

— Один из лучших мастеров кровных связей в Ларене.

— Работает в Палате?

— Нет.

— Тогда мне уже нравится.

* * *

Илене Мерр было около сорока пяти. Короткие каштановые волосы она заправляла за уши, когда склонялась над приборами. Она говорила резко и часто перебивала, но спрашивала по делу. Она вошла в небольшую комнату при хранилище, поставила на стол тяжелый футляр и сказала:

— Раздевайтесь до нижней рубашки.

Я посмотрела на Кайрена. Он уже собирался выйти. Илена остановила:

— Вы останетесь.

— Почему?

— Потому что печать общая.

Я вздохнула.

— У меня сегодня прямо день семейных развлечений.

Илена посмотрела на меня.

— Вам смешно?

— Мне страшно. Я иногда компенсирую.

— Хорошая привычка. Мешает окружающим драматизировать.

Кайрен остался. Рен вышел. Я сняла платье и осталась в тонкой рубашке. Илена осмотрела след на руке и груди. Потом велела Кайрену закатать рукав.

На его запястье был похожий знак. Темнее моего. Целый.

— Коснитесь друг друга ладонями.

Я посмотрела на нее.

— Это обязательно?

— Да.

— Прекрасно.

Кайрен протянул руку. Я коснулась. Эмоциональный удар оказался слабее прошлого раза, но все равно неприятно сильным. Тревога. Сосредоточенность.

Раздражение. И снова то горячее, от чего у меня мгновенно участился пульс. Я попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом. Получалось плохо. Илена приложила к нашим соединенным рукам прозрачную пластину.

Она вспыхнула красным.

— Интересно.

— Обычно после этого слова ничего хорошего не проис-

ходит, — сказала я.

— Печать пережила частичный разрыв.

— Я уже знаю.

— Нет. Вы знаете, что ритуал не завершился. Это другое.

Она переместила пластину выше.

— Здесь два повреждения.

Кайрен нахмурился.

— Два?

— Одно свежее. От вчерашнего ритуала.

— Второе?

Илена посмотрела на него.

— Старое.

В комнате стало тихо.

— Насколько старое? — спросила я.

— Не меньше года.

Кайрен медленно опустил руку. Контакт оборвался. Я с облегчением вдохнула.

— После первой утечки? — спросила я.

— Возможно.

— Нам говорили, что повреждение могло возникнуть из-за несанкционированного доступа, — сказал Кайрен.

Илена фыркнула.

— Могло.

— Но?

— Не такого типа.

Я посмотрела на него. Он стал очень неподвижным.

— Что значит «не такого типа»?

Илена снова осмотрела знак.

— Если супруг использует разрешенный контур неправильно, повреждается край допуска. Здесь поврежден внутренний узел.

— И что может это сделать?

— Неудачное восстановление. Грубое вмешательство мастера. Попытка снять копию структуры.

Я перестала дышать.

— Копию?

Илена подняла глаза.

— Теоретически.

Кайрен шагнул ближе.

— Это возможно?

— Я сказала теоретически.

— В Палате утверждают, что невозможно.

— Палата много чего утверждает.

Мне захотелось улыбнуться.

— А вы можете объяснить?

Она взяла другую пластину.

— Печать состоит не из одного рисунка. Есть кровный узор каждого супруга, общий контур и права, записанные на связь. Чтобы использовать чужое право, нужно воспроизвести не человека, а разрешение.

— То есть я была права.

Кайрен бросил на меня взгляд. Илена спросила:

— В чем?

— Я говорила, что система может видеть ключ, а не человека.

Илена задумалась.

— Грубо, но верно.

— Насколько реально сделать такой ключ?

— Самостоятельно? Почти невозможно.

— А мастеру Палаты?

Она нахмурилась.

— Уже интереснее.

Кайрен подошел к столу.

— Что потребуется?

Илена начала перечислять.

— Доступ к самой печати. Образец крови. Восстановительный контур. Знание структуры разрешений.

— И этого достаточно?

— Нет.

— Что еще?

Она замолчала.

— Илена.

— Служебный мастер-ключ.

Я посмотрела на Кайрена.

— Палаты?

— Да, — ответила она. — Без него копия не пройдет проверку государственного реестра.

Я невольно потеряла предплечье.

— То есть человек снаружи почти не может сделать это.

— Почти.

— А человек внутри Палаты?

— Сложно. Опасно. Незаконно. Но технически возможно.

Кайрен долго молчал.

— Почему об этом никто не знает?

Илена пожала плечами.

— Потому что официально мастер-ключ не позволяет создавать новые права. Только восстанавливать поврежденные.

— Но разница?

— В том, как его применить.

Она снова посмотрела на мою печать.

— Если кто-то пытался снять структуру с Аделины во время обслуживания, он мог повредить узел именно так.

Я вспомнила запись. Восстановление чувствительности. Кровь. Два мастера. И позже тот же человек участвовал в расследовании утечки.

— Мне нужен список всех, кто обслуживал печать за последние два года, — сказала я.

Кайрен посмотрел на меня.

— Он уже есть.

— Тогда нам нужны их полномочия.

Илена кивнула.

— И журнал использования мастер-ключей.

Кайрен спросил:

— Палата выдаст?

— Если запросит командующий воздушной стражей — возможно.

— А если не выдаст?

Илена усмехнулась.

— Тогда я бы заинтересовалась еще сильнее.

Мне окончательно понравилась эта женщина.

— Есть еще кое-что, — сказала я. — Вы можете определить, что случилось с Аделиной во время ритуала?

Илена перестала улыбаться. Кайрен напрягся. Я продолжила:

— Я не спрашиваю, откуда появилась я. Хотя это тоже интересно. Мне нужно понять, осталось ли в этом теле что-то от нее.

В комнате стало тихо. Илена попросила меня сесть. Достала из футляра небольшой прозрачный камень.

— Это проверка душевного отпечатка.

Я нахмурилась.

— Душа существует?

— Вы задаете странные вопросы для человека, который утверждает, что пришел из другого мира.

— В моем мире существование души нельзя было измерить прибором.

— Здесь тоже нельзя измерить душу. Но можно увидеть отпечаток, который она оставляет в кровной магии.

Она приложила камень к моей груди. Камень охлаждал кожу. Я ждала, не зная, какого ответа боюсь больше: что Аделина исчезла или что она все еще здесь. Илена смотрела на камень долго. Потом убрала.

— Ну? — спросила я.

Она не ответила сразу. Кайрен сделал шаг вперед.

— Илена.

— Старый отпечаток разрушен.

Я сглотнула.

— Полностью?

— Почти полностью. Остались телесные привычки, часть языковой структуры, базовые навыки движения. Это связано с телом, не с личностью.

Я вспомнила, как легко подстроилась под высоту незнакомых ступеней.

— А Аделина?

Илена посмотрела мне в глаза.

— Если вы спрашиваете, существует ли она внутри вас, нет.

Кайрен отвернулся. Я увидела это движение краем глаза. Небольшое. Но слишком резкое.

— Она умерла? — спросила я.

— Ее душевный рисунок прекратился во время ритуала.

— То есть да.

— Да.

Мне стало тяжело. Хотя я никогда ее не знала. Хотя ее

смерть позволила мне жить. Именно поэтому было тяжело. Я занимала ее тело.

Ее имя. Ее дом. Ее место за столом. А теперь передо мной стоял мужчина, который впервые получил настоящее подтверждение, что его жена умерла. Кайрен не сказал ничего.

И я не стала к нему подходить. Не имела права. Илена аккуратно сложила инструменты.

— Мне нужен образец крови для сравнения со старым повреждением.

Я протянула руку. Она взяла несколько капель.

— Результат будет завтра.

— Спасибо.

Она закрыла футляр. Перед выходом остановилась возле Кайрена.

— Если вы собираетесь расследовать старую утечку, не используйте Палату как единственный источник проверки.

Он посмотрел на нее.

— Я уже понял.

— Хорошо.

Она ушла. Мы остались вдвоем. Я оделась. Кайрен все это время стоял у окна.

— Мне жаль, — сказала я.

Он не обернулся.

— Чего?

— Аделины.

— Ты ее не знала.

— Вы знали.

Молчание.

— И, судя по всему, когда-то любили.

Он повернулся. Лицо было спокойным. Слишком спокойным.

— Это не имеет отношения к расследованию.

— Хорошо.

Я не стала давить. Некоторые разговоры нельзя начинать только потому, что у тебя есть вопрос.

— Тогда вернемся к делу.

Он кивнул. Я достала записи.

— У нас есть несколько важных вещей.

— Говори.

— Первая: ночная утечка точно произошла без моего физического присутствия.

— Да.

— Вторая: независимый мастер подтверждает техническую возможность копирования права доступа.

— Теоретическую.

— Хорошо. Теоретическую.

— Третья?

— Старая печать Аделины была повреждена способом, который может быть связан с попыткой снять структуру.

Кайрен медленно кивнул.

— Четвертая: за несколько месяцев до первой утечки она проходила обслуживание в Палате.

— Да.

— И один из специалистов потом участвовал в расследовании.

— Элмар Весс.

— Именно.

Я села за стол.

— Мне нужен список похожих дел.

— Ты уже говорила.

— Теперь у нас есть основание.

— Что именно искать?

— Жен высокопоставленных людей, которых обвиняли в использовании супружеского доступа после обслуживания печати.

Кайрен задумался.

— Таких дел немного.

— Насколько немного?

— Я помню два.

— Имена?

Он назвал первое. Я записала. Второе заставило его замолчать.

— Что?

— Мирана Элс.

— Кто она?

— Бывшая жена Серебряного дракона.

— Что произошло?

— Пять лет назад из семейного архива Элсов украли до-

кументы о переговорах с короной. След вел к ее печати.

— Она призналась?

— Нет.

— Развелись?

— Да.

— Где она сейчас?

— Живет в Ларене.

— Отлично.

Кайрен посмотрел на меня.

— Это слово здесь не очень подходит.

— Для нее — нет. Для расследования — вполне.

Он подошел к столу.

— Я запрошу материалы по обоим делам.

— Неофициально.

— Почему?

— Потому что если внутри Палаты действительно кто-то участвует в схеме, официальный запрос предупредит его.

— Ты уже строишь заговор.

— Я строю меры предосторожности.

— Суд хранит собственные копии. Запрошу их у председателя с условием не уведомлять Палату до начала проверки.

— Это подойдет.

Он несколько секунд смотрел на меня.

— Тебе нравится отдавать мне распоряжения.

— Нет. Мне нравится, когда человек с ресурсами использует ресурсы.

— В твоём мире ты тоже так разговаривала с начальством?

— Поэтому меня и не повышали последние два года.

Кайрен опять улыбнулся. На этот раз заметнее. И в следующую секунду я поняла, что смотрю на его рот. Отвела глаза. Слишком поздно.

Он заметил. Я слишком долго не отводила глаз, и он заметил это. Я поднялась.

— Мне нужно поесть.

— Хорошая причина сбежать.

— Я не сбегаю.

— Конечно.

— Вы сейчас пытаетесь флиртовать?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела подумать. Улыбка исчезла. Кайрен посмотрел на меня очень серьезно.

— Нет.

Почему-то ответ кольнул. А потом он добавил:

— Именно поэтому лучше остановиться сейчас.

Я не сразу поняла. Он подошел ближе. Не касаясь. Между нами оставался шаг.

— Ты находишься в теле женщины, с которой я прожил четыре года.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

— Я знаю.

— Я знаю это тело.

Слова прозвучали слишком спокойно. От этого стало ху-

же.

— Кайрен...

— И при этом ты не она.

— Да.

— Мне нужно время, чтобы это перестало быть одной и той же мыслью.

Я смотрела на него. Вот сейчас он мог бы сделать все намного проще. Сказать, что ничего не чувствует. Что я ему безразлична. Что Аделина уничтожила любое желание.

Но он не соврал.

— Хорошо, — сказала я.

— Ты злишься.

— Немного.

— Почему?

— Не уверена.

— Честно.

— Я стараюсь.

— Это заметно.

Я сделала шаг в сторону. Он освободил дорогу. Проходя мимо, я старалась не задеть его рукой. Желание прикоснуться возникло раньше любого отклика печати, и списать его на магию уже не получалось.

* * *

Материалы по делу Мираны Элс пришли вечером. Судебные копии доставили под печатью председателя. В сопроводительном письме подтверждалось, что Палату пока не уве-

домляли. Мы работали в небольшой библиотеке городской резиденции. Рен сидел у окна и читал второй пакет документов.

Я разбирала дело Мираны. Кайрен — еще одно, связанное с женой Медного дракона. Через полтора часа я положила ручку.

— Нашла.

Кайрен поднял голову.

— Что?

— Мирана проходила обслуживание печати за двадцать три дня до утечки.

Рен выпрямился.

— Где?

— Королевская палата.

— Это ничего не доказывает.

— Кто сказал, что доказывает?

Он закатил глаза. Я продолжила:

— Но появляется совпадение.

Кайрен посмотрел в свой документ.

— Здесь тоже.

— Сколько дней?

— Тридцать один.

Я подошла к нему.

— Причина обслуживания?

— Повреждение внешнего контура после болезни.

— Кто проводил?

Он показал запись. Имя другое.

— Значит, не один мастер.

— Но одно ведомство.

— Да.

Рен подошел к столу.

— Если вы правы, кто-то использовал Палату несколько лет.

— Возможно, — сказала я.

— И никто не заметил.

— Люди редко замечают систему, которая каждый раз дает им удобного виновного.

Кайрен медленно закрыл папку. Я поняла, о чем он думает. Аделина. Возможно, Мирана. Вторая женщина.

Мужья. Суды. Семьи. Слишком много людей доверяли одной и той же магической записи.

— Мирана живет далеко? — спросила я.

— На северной стороне города.

— Я хочу с ней поговорить.

Рен сразу возразил:

— Нет.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что твое возвращение уже заметили.

— Я никуда не возвращалась.

— Для города ты Аделина Вейр. Женщина, которую больше года никто не видел. Сегодня ты приехала в резиденцию

лорда Вейра. Через несколько часов пойдешь к другой женщине, обвиненной в утечке.

— И?

— Люди умеют складывать два и два.

— Судя по этому расследованию, не всегда.

Рен тяжело вздохнул. Кайрен сказал:

— Он прав.

— Вы тоже против?

— Я против того, чтобы ты ходила по городу без охраны, пока мы не понимаем, кто вчера использовал твою печать.

— Печать Аделины.

— Хорошо. Печать Аделины.

Я задумалась.

— Тогда пригласим Мирану сюда.

— Она может отказаться.

— Почему?

Кайрен посмотрел на меня.

— Потому что пять лет назад я публично поддержал решение ее мужа.

Мне потребовалось несколько секунд.

— Вы считали ее виновной.

— Да.

— И говорили об этом?

— Да.

— Прекрасно.

Он спокойно выдержал мой взгляд.

— Я не собираюсь притворяться, что этого не было.

— Хорошо.

Я села.

— Тогда лучше я напишу ей сама.

— От имени Аделины?

— От своего.

— Она не знает Веру.

— Значит, придется объяснить хотя бы часть.

Рен покачал головой.

— Эта история становится все безумнее.

— Вы еще не видели мой мир.

— И не хочу.

— Там хотя бы драконы не летают над улицами.

— Скучно.

— Иногда очень.

Я взяла чистый лист. Я взяла перо и без труда вывела первую строку, хотя никогда раньше не писала таким инструментом. Видимо, сохранился еще один навык Аделины. Почерк получился красивым. Не мой.

Еще одно неприятное напоминание. Я написала коротко. Не обвинение. Не просьбу о доверии. Только факты.

Про новую утечку. Про доказанное отсутствие Аделины рядом с хранилищем. Про возможную связь с обслуживанием печатей. И просьбу поговорить. В конце подписалась: «Вера Соколова, находящаяся в теле Аделины Вейр».

Рен прочитал.

— Она решит, что ты сошла с ума.

— Это будет не самое странное мнение обо мне за последние сутки.

Кайрен взял письмо. Прочитал.

— Отправляй.

Я передала лист слуге. Когда дверь закрылась, поняла, что впервые за день стало тихо. Я устала. По-настоящему. Не физически.

От постоянной необходимости объяснять, доказывать, учиться, следить за собственными реакциями. Кайрен заметил.

— На сегодня хватит.

— Еще час.

— Нет.

— Вы не мой начальник.

— Я хозяин дома.

— Это слабый аргумент.

— И человек, который видит, что ты сейчас заснешь над документами.

Рен молча собрал свои бумаги.

— В этом я на его стороне.

— Предатели.

Он ушел. Я осталась с Кайреном.

— Где я буду спать?

Вопрос прозвучал обычным. Его реакция обычной не была. Он застыл на мгновение. Я сразу поняла причину. Этот

дом.

Их прежняя жизнь. Их спальня.

— Есть гостевые комнаты, — сказал он.

— Хорошо.

— Если хочешь, твои вещи из старой комнаты перенесут.

Я не сразу ответила.

— Старой?

— Той, где жила Аделина.

— Вы вместе?

— Да.

— Нет.

Ответ получился слишком быстрым.

— Не переносите.

Кайрен кивнул. Без обиды. Без попытки убедить.

— Хорошо.

Он проводил меня до лестницы. Наверху нас ждала служанка. Я уже собиралась уйти, когда вспомнила.

— Кайрен.

— Да?

— Вчера вы были уверены, что Аделина украла маршрут.

Его лицо стало серьезным.

— Да.

— А сейчас?

Он долго не отвечал. Мне почему-то было важно услышать точную формулировку. Не красивую. Точную.

— Сейчас я уверен только в том, что доказательство, на

которое я опирался, больше нельзя считать достаточным.

Я кивнула. Именно такого ответа ждала.

— Это уже много.

— Для тебя?

— Для расследования.

Я сделала шаг к лестнице.

— Вера.

Обернулась. Он стоял внизу.

— Если выяснится, что она была невиновна в утечке...

Он замолчал. Я не стала помогать.

— Что?

— Ничего.

— Нет. Договаривайте.

Кайрен посмотрел на меня так, будто слова давались ему тяжелее любого приказа.

— Тогда четырнадцать месяцев назад я сделал ошибку, которую уже нельзя исправить.

Я вспомнила Илену. Разрушенный душевный отпечаток. Мертвую Аделину.

— Да, — сказала я.

Я не нашла слов утешения. Кайрену предстояло самому решить, что делать со своими прежними выводами.

— Но мы еще не знаем, невиновна ли она.

— Знаю.

— Значит, выясним.

Я ушла вверх.

* * *

Я почти уснула, когда в дверь постучали. На этот раз пришел Рен.

— Что случилось?

Он держал в руке сложенный лист.

— Ответ от Мираны Элс.

Я села на кровати.

— Быстро.

— Она живет недалеко.

— Что пишет?

Рен протянул письмо. Всего две строки.

«Я не знаю, кто вы такая и зачем используете имя Аделины Вейр.

Но если след ее печати появился там, где она физически не могла находиться, приезжайте завтра в десять. Одна». Я перечитала.

— Одна.

— Да.

— Значит, без Кайрена.

Рен скрестил руки.

— И без меня.

— Вы расстроены?

— Я не собираюсь отпускать тебя одну.

— Тогда останетесь снаружи.

— Она написала одна.

— Возможно, имела в виду без Кайрена.

— А возможно, именно одну.

Я встала.

— Рен, пять лет назад ее обвинили в предательстве. Потом муж развелся. Общество отвернулось. А теперь жена человека, который публично поддержал обвинение, зовет ее поговорить. Я бы тоже не хотела видеть возле двери половину дома Вейр.

Он некоторое время молчал.

— Я был там.

— Где?

— Пять лет назад. Когда разбирали дело Мираны.

Я остановилась.

— И?

— Я тоже считал ее виновной.

— На основании печати.

— Да.

— Вам не нравится, куда ведет наше расследование.

— Нет.

Возразить мне было нечего. Я сложила письмо.

— Мне тоже.

Рен посмотрел на меня.

— Ты правда ничего не помнишь об Аделине?

— Нет.

— Даже Кайрена?

— Нет.

Он странно усмехнулся.

— Ему от этого хуже, чем он показывает.

— Не думаю, что вам стоит обсуждать со мной его чувства.

— Я не обсуждаю. Предупреждаю.

— О чем?

— Он может начать верить тебе быстрее, чем должен.

Мне не понравилось слово «должен».

— А вы будете следить, чтобы не начал?

— Я буду следить, чтобы он снова не пострадал.

Я поняла. Для Рена все было проще. Кайрен едва не погиб. След вел к Аделине. Теперь в ее теле появилась незнакомая женщина с удобной историей про другой мир.

Даже новая утечка не делала меня автоматически безопасной.

— Это ваша работа, — сказала я.

— Да.

— Тогда делайте.

Он явно ожидал спора.

— И все?

— Что еще?

— Обычно люди обижаются, когда я говорю, что им не доверяю.

— Я расследовала мошенничество. Для меня недоверие — рабочий инструмент.

Рен посмотрел на меня чуть иначе.

— Ты совсем не похожа на нее.

— Я знаю.

— Это не комплимент.

— Я тоже знаю.

Он ушел. Я легла. Но сон снова не пришел. Теперь я думала не о Миране. О Кайрене.

О фразе Рена.

«Ему от этого хуже, чем он показывает».

Мне не хотелось становиться причиной еще одной ошибки в его жизни. Я боялась, что его привлекает только знакомое лицо. Спросить об этом прямо пока не решалась.

* * *

Утром пришел результат от Илены. Она явилась сама. Без приглашения. Прошла в кабинет, где мы с Кайреном завтракали, положила на стол запечатанный конверт и сказала:

— Старое повреждение печати точно получено внешним вмешательством.

Кайрен отложил чашку.

— Насколько точно?

— Насколько вообще можно судить о повреждении, которому больше года.

— Что именно произошло?

— Кто-то подключал к печати восстановительный контур глубже разрешенного уровня.

Я спросила:

— Это мог быть обычный мастер по ошибке?

— Мог.

— А мог снимать копию?

— Да.

Кайрен встал.

— У тебя есть доказательство?

— Есть структура рубца.

— Ее хватит для суда?

— Нет.

— Тогда это не доказательство.

Илена спокойно посмотрела на него.

— Нет. Это направление.

Он сел обратно. Я понимала его раздражение. Нам нужна была не красивая теория. Нужна была цепочка.

— Илена, — спросила я, — если кто-то снял копию, сколько она может работать?

— Зависит от качества.

— Пять лет?

— Нет.

— Год?

— Возможно, если подпитывается от действующей печати.

— Что значит подпитывается?

— Копия не является полноценным кровным рисунком. Она постепенно теряет связь. Но пока исходная брачная печать существует, ее можно обновлять.

Я почувствовала холод.

— Не прикасаясь ко мне?

— Если создан связанный контур — да.

Кайрен резко посмотрел на нее.

— Где должен находиться этот контур?

— Не знаю.

— В Палате?

— Не обязательно.

Я задумалась.

— Но для обновления нужны какие-то данные.

— Магический отклик исходной печати.

— То есть пока брак существует, копия потенциально может жить.

— Да.

Кайрен смотрел на знак на своем запястье. Я тоже. Теперь брачная печать была не просто неприятной связью с чужим мужем. Она могла быть активным каналом для преступника.

— Можно определить, существует ли копия сейчас? — спросила я.

Илена покачала головой.

— Не напрямую.

— А косвенно?

— Если снова будет использована.

Я усмехнулась.

— Это уже произошло.

Она замерла. Кайрен рассказал про ночную утечку. Илена выслушала.

— Тогда вероятность очень высокая.

— Почему?

— После попытки Аделины разрушить печать копия должна была стать нестабильной. Кто-то мог использовать ее быстро, пока связь еще существует.

Я посмотрела на Кайрена.

— Значит, человек узнал о ритуале.

— Или почувствовал изменение через копию, — сказал он.

Илена кивнула.

— Возможно.

— Это сужает круг.

— Немного.

Я подошла к окну. Внизу город уже жил. Экипажи. Торговцы. Люди.

Где-то среди них мог находиться человек, который пользовался чужой брачной печатью как украденным паролем. И возможно, делал это не первый год.

— Нам нужно проверить другие дела, — сказала я.

Кайрен кивнул.

— Сегодня.

— Сначала Мирана.

Он посмотрел на меня.

— Она согласилась?

— Да.

— Я поеду с тобой.

— Нет.

— Вера.

— Она просила меня прийти одну.

— Ты не знаешь, почему.

— Именно поэтому пойду.

Он встал.

— Это не обсуждается.

Я медленно повернулась.

— Очень неудачная формулировка.

Илена переводила взгляд с меня на него с явным интересом. Кайрен сжал челюсть.

— Ты находишься в центре дела о государственной утечке.

— Я знаю.

— Кто-то использовал твою печать меньше двух суток назад.

— Печать Аделины.

— Неважно.

— Для меня важно.

Он сделал паузу.

— Хорошо. Печать Аделины. Но тело, к которому она привязана, сейчас твое.

— Рен останется возле дома.

— А я?

— Вы причина, по которой Мирана может отказаться говорить.

Его лицо стало жестким. Но он не возразил.

— Потому что вы публично поддерживали ее обвинение, — продолжила я. — Если хотите узнать правду, иногда придется не входить в комнату.

Илена хмыкнула. Кайрен посмотрел на нее.

— Не помогай.

— Я ничего не сказала.

Он снова посмотрел на меня.

— Рен войдет, если услышит что-то подозрительное.

— Согласна.

— И ты не выходишь с Мираной из дома без него.

— Согласна.

— И...

— Кайрен.

— Что?

— Вы сейчас начинаете звучать как муж.

Он замолчал. Я сама смутилась от своей шутки. Назвать Кайрена мужем оказалось слишком легко. Я почувствовала, как жар поднимается к лицу. Кайрен первым отвел взгляд.

— Я звучу как человек, отвечающий за твою безопасность.

— Так лучше.

— Не уверен.

Илена улыбалась. Я сделала вид, что не заметила. Через час мы выехали к Миране Элс. В сумке лежали выписки из двух старых дел. Если Мирана подтвердит сходство процедур, придется проверять всю цепочку обслуживания печатей

— и тех, кто годами удостоверял ее надежность.

Глава 3. Те, кого обвинили первыми

Дом Мираны Элс стоял на северной окраине Ларена, где богатые особняки постепенно уступали место небольшим частным домам с садами. Экипаж остановился через дорогу. Рен сразу посмотрел на дверь.

— Я остаюсь здесь.

— Мы это уже обсуждали.

— Я напоминаю.

— И правильно делаете.

Он нахмурился, словно ожидал, что я снова начну спорить. Я поправила плащ и посмотрела на дом. Два этажа. Светлый камень. Узкие окна. Маленький сад за низкой оградой.

Ничего похожего на жилье женщины, которая когда-то принадлежала к одному из старших драконьих домов.

— Она потеряла имущество после развода? — спросила я.

— Часть, — ответил Рен. — Личное осталось за ней. Земли и дом Элсов вернулись семье мужа.

— Дети?

— Нет.

Я кивнула. Почему-то стало легче. Хотя я уже поняла, что в этом мире развод вполне мог разделить не только имуще-

ство. Я вышла из экипажа. Рен тоже.

— Вы собирались остаться.

— Я провожу до двери.

— А потом?

— Потом встану у ворот и буду изображать дерево.

— Очень убедительное дерево.

— Я стараюсь.

Мы дошли до крыльца. Я постучала. Открыла женщина лет пятидесяти в темном платье. Посмотрела на меня. Замерла.

— Госпожа Вейр.

Я уже привыкла к этой реакции.

— Вера Соколова. Мирана ждет меня.

Женщина перевела взгляд на Рена. Он сделал шаг назад.

— Я остаюсь снаружи.

Она явно знала его. И явно была этим недовольна. Но дверь открыла шире.

— Входите.

Внутри пахло травами и теплым хлебом. Прихожая была маленькой. Без гербов. Без слуг в форме. Без тяжелого дворянского великолепия.

Я сняла плащ. Женщина провела меня в гостиную. Мирана стояла у окна. Первое, что я подумала: она совсем не похожа на сломленную женщину. Высокая.

Светлые волосы собраны в простой узел. Темно-синее платье без украшений. Лицо спокойное. Только глаза были

слишком внимательными. Она смотрела на меня долго.

— Аделина.

— Нет.

— Я получила письмо.

— Поэтому и говорю сразу.

Мирана не предложила сесть.

— Если это какая-то игра Кайрена Вейра, вы выбрали плохой способ.

— Кайрен остался дома.

— Но Тарв стоит у ворот.

— Он отвечает за безопасность.

— Пять лет назад он тоже отвечал за безопасность.

Рен, судя по всему, оставил после себя много неприятных воспоминаний.

— Я пришла без него.

— Насколько это вообще возможно, если его человек смотрит на мои окна?

— Могу попросить отойти дальше.

— Не нужно.

Мирана наконец села в кресло. Я заняла второе. Между нами стоял низкий стол. Она продолжала изучать мое лицо.

— Вы действительно утверждаете, что не Аделина?

— Да.

— И Кайрен вам верит?

— Не уверена.

— Удобная позиция.

— Не очень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.